

УДК 882
ББК 84
Щ 17

Щ 17 Щедова, Л. Н. Черемуховая река : повесть / Л. Н. Щедова. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2013. – 95 с.

В повести рассказывается о судьбах деревенских женщин. Несмотря на все тяготы нелегкой жизни, они сохранили чистоту души, сердечную доброту, порядочность, умение любить.

© Щедова Л. Н., 2013

© Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2013

ЧЕРЕМУХОВАЯ РЕКА

(новелла)

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.*

.....
*Если даже пепелище
Выглядит вполне,
Не найди того, что было,
Ни тебе, ни мне.*

Г. Шпаликов

Ранним июньским утром в сторону реки прошли женщина и девочка-подросток. На перекате по выступающим из воды валунам, осторожно, чтобы не замочить ноги, они перебрались на другой берег. Пройдя через заросли черемухи, тропинка вывела их на луг, где травы, допивая последние капельки росы, готовились к встрече с солнцем.

Женщина поставила корзинку на землю, поправила кофточку, провела ладонью по гладко зачесанным волосам, окинула взором поляну, тихо заговорила:

— Травы живучие, землей вскормленные, росой напоенные, солнцем согретые, поделитесь своей целебной силой. Позвольте взять малую толику веточек, листьев и цветов.

Подоткнув подол юбки за пояс, чтобы не намочить росой, женщина начала собирать травы. Девочка аккуратно срывала цветы, рассматривала их, потом увязывала в пучок. Корзинка быстро наполнилась. Отдельно лежали: таволга, тысячелистник, синюха голубая. Снова послышался тихий голос женщины:

— Спасибо, земля, роса и солнце, спасибо, травы живительные.

Посмотрев на девочку, стоящую рядом и с серьезным видом повторяющую за ней слова, женщина улыбнулась:

— А ну-ка, Верочка, пробегги по траве босиком да умойся росой. Здоровенькой будешь и красивой.

Послушно сняв тапочки, высоко поднимая голенастые ноги, девочка пробежала по траве, затем, присев, провела ладонями вокруг себя и растерла влагу по лицу.

– Бабуль, а что, правда, от росы я красивой стану?

– Главное в жизни, внученька, не красивой, а счастливой быть. Верочка, надо будет чабреца насобирать, да осенью можжевельных семян.

– Хорошо, бабуль, соберу.

– Давай-ка, быстренько домой возвращаться, дел у нас, внученька, сегодня много.

Переходя речку, они услышали, как в камышах что-то зашуршало, а затем плюхнулось в воду.

– Бабушка, кто там? – испуганно спросила девочка.

– Ох, и трусиха ты, Вера. Это же водяная крыса.

– Что ты, бабушка, какая крыса, мы же здесь купаемся днем с девочками.

– Купайтесь на здоровье. Не тронет она вас. У нее свои заботы. А почему на «Кукушкино» не купаетесь? Там ведь вода теплее.

– Мальчишки не дают там купаться. Одежду в воду бросают, брызгаются. Вот и купаемся здесь, в родниках.

На тропинке показались два теленка, за ними с палкой в руках шел их сосед, дед Максим.

– Здорово живешь, Арина. Ты, вроде, как и спать не ложились, – и, не дождавшись ответа, обращаясь к девочке, продолжил – Верка, ты-то скоро нас лечить будешь? Травы все выучила?

С пригорка раздался звонкий голос:

– Давно все знаю. И когда собирать травы, и как настой делать, и от какой болезни какая трава, – тоже знаю.

– Слава тебе, Господи, еще одна пращичка в деревне будет.

Разговор резко прервался. Дед Максим с криком: «Куда вас, поганцы, понесло?» рванул за телятами, которые, перескочив через речку, побежали к дальней поляне.

Проводив взглядом соседа, Арина проговорила смеясь:

– Ну, ему, дай Бог, еще нескоро понадобятся настойки. Скачет, как молодой, по родниковой воде прямо и тиках.

Скорым шагом они дошли до дома. Во дворе каждый свернул в свою сторону. Баба Арина вошла в летнюю кухню, готовить завтрак, а Вера – к навесу, где сушились травы, подвешенные пучками под самой крышей. Она аккуратно разложила на столе содержимое корзины. Третье лето бабушка учила ее собирать лекарственные травы,

делать настои из них. Сегодня они сходили в последний раз, и девочка порадовалась, что не надо больше вставать рано утром. Отставив корзинку в сторону, Вера взяла ведро, налила воды, прихватив с забора половую тряпку, и, проворно перемахнув ступеньки крыльца, влетела в дом. Цепким взглядом окинув поле деятельности, она принялась заправлять постели, затем протерла пыль на подоконниках, поправила на полке книги, салфетку на столе. И уже заканчивая мыть крылечко на улице, услышала бабушкино: «Завтракать», довольная, засмеялась и сказала: «Успела». Закрыв все ставни, чтобы в доме днем было прохладно, вымыв руки и лицо, мокрыми руками пригладив вьющиеся волосы, вошла в кухню.

За столом сидел брат-подросток Лешка, с недовольным лицом. Баба Арина не давала внуку залеживаться в постели долго и всегда будила. А так как летом он спал в летней кухне, запах пирожков или блинчиков, которые он очень любил, или «нечаянно» оброненная кастрюля заставляли его подниматься с постели. Увидев Веру с мокрыми волосами, Лешка ухмыльнулся, но ничего не сказал. А после завтрака, взяв ведра, чтобы наносить воды для стирки, уже за калиткой он громко крикнул:

– Верка, ты сегодня на нашу корову Лыску похожа!.. – и, захотав, пошел в сторону реки, что-то насвистывая.

Убирая со стола посуду после завтрака, не сдерживая слез, девочка стала жаловаться:

– Бабуль, ну почему Лешка дразнится: то частушкой, то козой луноглазой, а вот сегодня сказал, что я похожа на нашу корову Лыску.

Баба Арина, посадив в печь противень с калачами, прикрыв печь заслонкой, посмотрела на часы и, присев на лавку, улыбнулась. Она вспомнила историю с частушкой. Было лето, деревня праздновала «Троицу». Они с соседкой Саней сидели на лавочке возле палисадника, разговаривали. Верочка играла рядом. Послышалась песня.

Это было давно, лет семнадцать назад,

Вез я девушку трактом почтовым...

– У Нестеровых поют, – сказала баба Саня. И тут из другого двора донеслось:

И будет карточка пылиться

На полке позабытых книг.

В военной форме при погонах.

И ей уж больше не до них.

– Храмовы девки поют, – опять произнесла баба Саня. – Голоса-то какие сильные у них.

Где-то заиграла гармошка, и из-за поворота показалась компания веселых, нарядных людей. С плясками и частушками они шли в их сторону. Звонкий женский голос пронес:

Через быструю речонку

Я просила перевоз.

Расхорошенький парнишечка

На ручках перенес.

И совсем рядом, четко выговаривая слова, пронес другой голос:

Мой миленок – через поле.

У подруги – через пять.

Через поле да не ходит.

Через пять идет опять.

Было Верочке в то время лет семи. Она приехала к бабушке в гости из города. В городе не ходили по улице с плясками и частушками. Обе частушки ей очень понравились, но вот вторую она не совсем поняла. Вечером, когда за ужином собралась вся семья, она вспомнила частушку и проговорила ее как стихотворение, громко и четко. Все удивленно посмотрели на нее, и она, обращаясь к бабушке, спросила:

– Бабуль, почему этот миленок через пять идет опять, и по какой Поле он не ходит?

Все засмеялись, а Лешка громче всех. Схватившись за живот, он хохотал, приговаривая:

– Через пять идет опять и все по Поле.

Только бабушка не смеялась. Она отнесла вилку подпальничник, взяла за руку Верочку и увела ее в свою маленькую комнатку, где они спали с ней вдвоем. Укладывая спать, рисуя пальцем на сатиновом в цветах ковре, она объяснила, как могла, девочке семи лет, что такое поле, кто такой миленок и почему через пять идет опять. Взрослые не напоминали Верочке о частушке, а вот Лешка еще долго ее дразнил, но так, чтобы не слышала бабушка. Очнувшись от воспоминаний, Арина потянула за полотенце, перекинутое через плечо у Веры.

– Сядь-ка со мной рядышком, моя хороша, мы с тобой давно не говорили по душам.

Девочка присела рядом. Она любила разговоры по душам. Из них она узнавала много нового, вникала в каждое слово. Бабушки не

поучала ее, она просто рассказывала истории из жизни. Этот тихий, спокойный голос творил чудеса. С каждой услышанной историей Верочка другими глазами смотрела на мир, на жизнь взрослых людей.

Приобняв одной рукой внучку за плечики, Арина полотенцем вытерла ей слезы. Приклонив ее голову к своему плечу, слегка покачиваясь вместе с ней, начала говорить:

– Совсем скоро ты станешь немного другой. Ты только не пугайся. Со всеми девочками это происходит. Потом ты будешь меняться, хорошеть. А девушкой ты будешь очень красивой. Но внешняя красота – это еще не все. Много красивых девушек я знала, но многие из них были несчастливы.

– Почему они были несчастливы? – забеспокоилась девочка, заглядывая бабушке в глаза.

– Подожди, – отстраняя от себя внучку, поднялась с лавки баба Арина, – посмотри, как там мой хлеб.

Она подошла к печке, открыла заслонку, заглянула. По кухне поплыл запах печеного хлеба.

– Хорошо румянится, – прикрывая печь, проговорила бабушка, снова присаживаясь рядом с внучкой.

– Так вот я и говорю, не были они счастливы. Не смогли они своей красотой правильно распорядиться. Не понимали, что внешней красотой их наделил Бог и родители, чтобы внутри себя красоту взрастить, надо было хорошо потрудиться, с оглядкой на людей. Ну вот, одну звали Лидой. Небольшого росточка, складная, красивенькая на лицо. Встречалась она с парнем, Василием его звали. Хорош собой был этот парень, работающий, добрый, но из бедной семьи. Многие девушки на него засматривались, но видел он только одну Лиду. Однажды приехал брат Лидиной подруги. Уже не молодой по годам, но привез он два чемодана вещей. Красивые ткани, шали, еще что-то. Прибежала Лида к подружке, увидела подарки и загорелись у нее глаза. Забыла она своего Васю. Променяла на тряпки свою любовь. Завлекла своей красотой брата подруги и через месяц вышла за него замуж. Но семейная жизнь у них плохо складывалась. Без любви жила с мужем. Родились дети. Муж, чувствуя нелюбовь, стал выпивать. Пошли скандалы. Красота ее померкла. Стала она злой, сварливой. Испортила жизнь и себе, и мужу, и детям. Дети ведь росли в семье, где не было уважения, тепла, любви. А как говорится в пословице: «Ребенок учится тому, что видит в собственном доме». Выросли дети и

понесли уже в свои семьи скандалы да выпивку. Другого они в родительском доме и не видели.

— А Вася?

— Васю она всю жизнь вспоминала. Он сильно переживал, потом уехал в город, выучился. Стал директором большого завода. Женился на городской. Два сына у него. Говорят, что много лет спустя Лида ездила к нему, но Василий ее не узнал или не хотел узнавать. Так и разошлись пути.

— ...Другую красавицу звали Зоей. Была она высоконькой на ногах. Кудрявые волосы, большие глаза. Одна дочка у родителей, одевалась хорошо. Меняла она ухажеров часто. Не держала себя в строгости, вот и потерялась. Замуж ее никто не звал, кому такая жена нужна? Стали в деревне над ней смеяться. Дали ей кличку плохую. Родителям стыдно за нее было. Сорвались они с родных мест да уехали от стыда подальше. Зоя тоже с ними уехала. Но ведь хорошая слава лежит, а плохая далеко бежит, куда от себя уедешь. На всю жизнь себя запятнала.

— Бабушка, а что значит потерялась?

Арина замешкалась, все-таки ответила:

— Вольно себя вела с ребятами. Многое им позволяла, а девушке грех так себя вести.

— Как Манька-Шельма?

— Вера, внученька, она не Манька-Шельма, а Мария Шилова. Нельзя людей кличками звать, обидно это очень. Она может много раз раскаивалась за свое поведение, но люди кличкой заставляют ее снова плохо себя вести. Надо давать возможность исправляться человеку. Ошибиться в жизни может каждый. Иногда за ошибки просим прощения, и нас ведь прощают, или мы прощаем. У кого просить прощения Марии? Большая вина лежит на том, кто посмеялся над ней первым. Родители у нее хорошие. Росла она в семье, где были доверие, любовь. Вот она и пошла в мир с любовью, доверием. А парень воспользовался ее доверием, посмеялся над ней. Такое может случиться с каждым. Грех смеяться над чужими ошибками, своих бы не наделать.

— Бабушка, ну почему ребята такие плохие?

— Не все плохие, но встречаются. Им просто никто не объяснил, что зло, причиненное другому, вернется к нему назад еще большим злом. Они забывают, что их ведь тоже женщина родила и что у этих ребят, возможно, тоже дочери будут. А Бог ведь всегда наказывает за

обиды, нанесенные другим. И уже не помнят они о своих плохих поступках, спрашивают: «Господи, за что мне такое наказание?» А если бы по-доброму относились люди друг к другу, боялись бы обидеть словом или делом, то и жизнь была бы лучше.

– А другие красавицы?

– Про других – потом. Хлеб пора вынимать из печи, час прошел.

Арина взяла деревянную лопату, отодвинула в сторону заслонку. Еще раз заглянула в печь, затем, поддев лопатой противень, осторожно вытащила и поставила на шесток. На противне возвышались три огромных калача. Чистым полотенцем, отрывая друг от друга, она выкладывала их на столешницу, покрытую тканью. Побрызгав на хлеб водичкой, прикрыла полотенцем, а сверху покрывалом, проговорив: «Пусть доходят». Затем начала быстро ставить чугуны со щами, груздянку и шаньги. Снова закрыла печь, вздохнула, вытерла со лба пот обратной стороной фартука, посмотрела на внука и засмеялась:

– Ждешь?

– Конечно, жду, что с другими-то красавицами было? Ну, хоть еще про одну Расскажи.

– Что же, слушай. Полиной звали третью красавицу. Черноглазая, коса – в руку толщиной. В танце ее было не переплясать, и в песне не перепеть. Гордо себя несла. Свысока смотрела на парней, которые пытались за ней ухаживать, смеялась над ними. А ведь все люди одинаковы. Каждый мечтает встретить свою судьбу, любовь найти, семью создать и достойно пройти свой земной путь. А Бог или сама жизнь проверяет человека гордыней и смирением, богатством и бедностью, горем и радостью. Испытав все это в жизни, человек сам выбирает, каким ему быть: озлобленным, жадным, гордым или добрым, милосердным, способным любить и понимать людей. Как приныкает человек себя вести, таким у него становится характер, а от характера зависит его судьба. Гордыня не несет в себе ни добра, ни гонимости, а делает человека несчастным. Сторонились Полину и парни, и девушки. Никому не хотелось быть рядом с холодной красотой. Оглянулась она однажды, а около нее никого нет. Ровесники ее замуж повыходили, детей растят. У каждой семейные заботы. Придет она в клуб, а там молоденькие красавицы подросли.

– Что же, она одна осталась?

– Да нет, вышла и она замуж за парня из другой деревни. Но характер у него уж больно крутой был. Вот и нашла коса на камень.

Одна – задириха, а другой – неспустиха. Друг другу ни в чем не хотели уступать. Так и жили: то он с ободранным лицом ходит, то она с синяками. До самой старости дрались. Вроде бы вдвоем жили, а все поодиночке. Состарились, но не стали близкими людьми. Даже похоронить просили подальше друг от друга.

Арина замолчала, задумчиво теребя край фартука, потом тихо сказала:

– А бывают еще царь-девки.

У Верочки от удивления глаза стали круглыми.

– Какие царь-девки? Эго что – сказка?

– Нет не сказка, бывают царь-девки. Люди говорят, что на них земля держится, но я потом тебе когда-нибудь расскажу о них. А сейчас вот еще что хочу тебе сказать. Учись на обиды отвечать шуткой необидной. С шутками, внученька, легче живется. Бойся обидеть человека. А плакать не надо. Плачет часто человек, слабый духом. Скоро Лешка перестанет тебя дразнить.

– Почему?

– Повзрослеет наш Лешка, не до дразнилок ему будет. А сейчас ему, дуралею, надо, чтобы за ним побегали, как в детстве, вот он и дразнится.

Арина прошла к печи, а Вера, выйдя во двор, села на крылечко у дома. Лешка появился с полными ведрами воды. Вылив воду в бочку, из которой вода выплеснулась через край, и повесив ведра на забор, устало присел рядом с Верой, забыв о том, что недавно ее дразнил. Уткнувшись подбородком в колени, рисуя палочкой на земле, Вера с серьезным видом заговорила:

– Леш, ты вот вроде на какого-то артиста похожий. Волос такой же светлый и глаза голубые.

Она встала с крылечка, спокойно подошла к двери кухни и оставилась.

– И на какого же артиста я похож? – недоверчиво спросил Лешка.

– Нет, не на артиста, а на нашего поросенка Борьку.

Последнее слово Вера произнесла из кухни. Она влетела в нее и в два прыжка оказалась за спиной у бабушки. Лешка вбежал в кухню, чуть не оторвав занавески на двери, и рванул к Вере, но бабушка, смеясь, стояла с ухватом в руках наперевес. Втроем они закружили по кухне. Лешка пытался достать Веру, дернуть ее за косичку, но ему это не удавалось, она пряталась за бабушку. Наконец баба Арина строго сказала:

– Хватит тебе, Алексей.
– Бабушка, ты вот всегда ее защищаешь.
– Угомонись, я тебе говорю, она же девчонка, а ты уже совсем большой, пора за ум браться. Сам ведь первым начал, успокойся. Вроде кто-то идет к нам, ну-ка, посмотри, кто там?

Лешка, еще не отдышавшись, приоткрыл занавеску на двери. На пороге стояла соседка баба Саня. Переступив порог, поздоровавшись, она пытливым взглядом окинула всех троих.

– Чего это вы все такие взъерошенные?

– Гимнастику делали, – с серьезным видом ответил Лешка, приживаясь на кровать.

– Будя врать-то. Язык у тебя, Лексей, как помело, – садясь на табуретку, проговорила баба Саня. – Вот у меня сегодня, правда что, гимнастика была. До сих пор в себя не могу прийти. Не приведи, Господи, никому такое увидеть. Арина, завари-ка мне чайку с успокоительными травами.

Все молча ждали продолжения рассказа.

– Макаровна, да что случилось? – осторожно спросила Арина, подавая чашку с чаем и ставя сахарницу на стол.

– Ох, Арина, я ведь сегодня утром чуть Богу душу не отдала, – начала свой рассказ баба Саня. – Угнала корову утром в стадо. Иду себе спокойно домой. Тут вижу: Ванька Шустиков, пьяный, свою Шурку вокруг дома гоняет, а напротив через дорогу его кум Митька Левин свою Польку кругом своего дома. Это у них часто бывает. Ночь льют, а утром начинают своих бабенок виноватить. Еще подумала про себя: «Чего творите, молодые годы продеретесь, нервы пощипываете друг другу, а на старости болячки считать будете. Чего не хватает, чего не живется по-людски?.. А ведь все водка виновата». Прошла молча мимо них. Подняла голову, чтобы посмотреть, как солнышко золотит верхушки тополей у речки, и обомлела. Матьер Божия! Святые угодники! На скалистом берегу, через речку, что напротив Нестеровых, мужик голый бегае, руками машет и что-то кричит. Спина красная от утреннего солнца, а задница белая сверкает.

Вера прыснула в ладошку, отвернулась. Лешка захохотал, но, увидев бабушкин строгий взгляд, замолчал.

Отхлебнув глоток чая, баба Саня продолжила:

– Ну, думаю, какой-то паразит допился до чертиков. А потом меня всю пронзило: «Ведь может слететь он с этой скалы в речку, а

там камни». Не помню, как добежала до Нестеровых. Егор во дворе был. Я ему слово сказать не могу, задохнулась вся от бега и только рукой показала на скалу. Сама села на приступочку крыльца, сомлела вся, закрыла глаза, чтобы если умру, так хоть этого голого дурака не видеть напоследок. Анна каких-то капель накапала. А Егор поднял с постели своих четверых сыновей. Они у него расторопные, сметливые. Быстро взобрались они на скалу, поймали, связали по рукам и ногам, на жердину привязали как барана, вниз принесли, срам прикрыли. Я как посмотрела на него, кара небесная! Волосы дыбом, глаза выпучены и орет: «Тараканы! Тараканы!» Допился, значит, до тараканов, гад такой. Позвали фершелицу, она ему укол сделала, он и успокоился.

– Саня, да кто же это?

– Да Гришка Лямин, паразит. Они, оказывается, втроем пили. Два кума и Гришка. Бабенки утром мужикам скандал устроили, потом вокруг дома побежали, а Гришке стали тараканы чудиться. Вот он разделся и побежал от них на гору. Это мне Польшка с Симкой рассказали. Они пришли тоже на Гришку посмотреть. У каждой по глазу заплывшему. Не успели увернуться. Теперь будут всем врать, что королева рогом задела. А меня всю затрясло, сле до дома дошла. Дед мой разорался: «Вечно тебя носит, где не надо». Пожалел, называется, – отхлебнув чай, закончила свой рассказ баба Саня.

Первым не выдержал Лешка. Громко захохотав, он повалился на кровать и, перекатываясь с боку на бок, выкрикивал: «Как барана несли». Звонко смеялась Вера. Арина, пытаясь сдержать смех, прикрыла лицо фартуком, но плечи ее судорожно тряслись. Глядя на них, начала смеяться и баба Саня, приговаривая: «Смешно им, а я чуть не умерла». Наконец все упокоились, кроме Лешки. Баба Саня, посмотрев на него, серьезно сказала:

– Будет тебе, Лексей, смеяться, а то родимчик хватит

– Родимчик-то маленьких хватает, баба Саня.

– Ладно тебе, шибко умный нашелся. Я к тебе по делу пришла.

– Какое дело?

– Я там две дощечки приготовила и четыре гвоздя. Прошу тебя, Христа ради, сходи на старую мельницу, заколоти слуховое окно и ступеньки, которые ведут к этому окну, разбери.

– Зачем?

– Внучата мои собираются оттуда прыгать.

– Пусть прыгают, мы тоже прыгали.

– Ты чего их сравниваешь с деревенскими мальчишками, – рассердилась баба Саня. – Вы ведь с малолетства по горам да скалам лазите, босиком ходите, в родниках купаетесь. А посмотри на моих, шейка тоненькая, сами бледненькие. Видно, как у них под кожей кровь бежит. Прыгнут они из окна, и башка отлетит. Я что потом родителям скажу? – всхлипнула баба Саня.

– Чего вы плачете, баба Саня, – пожалел ее Лешка, – голова-то еще не отлетела.

– Тьфу на тебя, мелешь языком что не попадя. Каждое лето мучюсь с ними, пока приучу к деревенской еде. Сидят за столом, жемшятся: «Это не хочу, то не буду».

– Баба Саня, а давайте я им заячью капусту со скалы принесу или чакан из речки достану.

– Леша, сынок, не вздумай, откроется понос, не остановим. Спаси, и сохрани, и помилуй, чего удумал-то.

Лешка поднялся с кровати.

– Сейчас воду поставлю греться и схожу, забью окно.

Вера тоже собралась уходить.

– Бабуль, я пойду на огород, грядку с морковью доплюю, там немного осталось.

Арина любила, когда приходила Саня. От нее она узнавала деревенские новости. С ней они делили и горе, и радость, выживали во время войны, поднимая на ноги детей. С ней можно было посмеяться, вспоминая смешные случаи из жизни деревни. Дети Сани и Максима рывкались по городам, но внучат привозили каждое лето на деревенские хлеба. Два внука, Пашка и Сашка, были для них светом в окошке. Первые дни в деревне внучата ходили следом за дедом, но пообвыкнув и встретив друзей, домой их было не загнать. Жизнь Сани и Максима наполнялась смыслом. И только в конце лета, когда загорелых, щекастых, с выгоревшими от солнца волосами внуков увозили в город, они становились притихшими, грустными, чаще приходили к Арине, сидели, вздыхали, жаловались на боли в ногах, пояснице. С наступлением зимы они начинали ждать лета и приезда внуков.

– Арин, чай-то у тебя какой духмяный. Что это за трава?

– Еще налить, горяченького?

– Налей. Так что это за трава?

– Таволга и душица.

– И от чего они, эти травы?

– Таволга кровь разжижает. У нас она с тобой густая, вот таволга и делает ее пожиже, чтобы мы с тобой бегали и усталости не знали, а душица нервы успокаивает. Утром мы с Верой твоего Максима встретили, телят он гнал на пастбище.

– Арин, вот поверишь или нет. Мы с ним каждое утро из-за этих телят ругаемся. Говорю ему: угоши их только до речки, а там они сами себе выберут место, где пастись. Так нет же, матушки мои, переходит с ними через речку и там с палкой за ними носится как дурень со ступой, заворачивает их на дальнюю поляну. Телята на воле играют, хвосты задерут и носятся, а он за ними. Каждое утро приходит с мокрыми ногами.

– Ну и пусть побегаёт. Бегать-то полезно.

– Да ведь от людей стыдно. Никто так не делает, один он, старый дурень, наперегонки с телятами каждое утро бегает. Угнал бы их за гору, на солонцы, и там бы бегал с ними, сколько хотел, а то ведь вся деревня видит. Мне со двора тоже все видно. Прямо зла на него не хватает. Домой придет, матерится так, что хоть святых выноси. Слово нельзя лишнего сказать. Вот и сейчас ушла, чтобы не слушать его матюги. Может, твоя душица меня успокоит. Ты мне щепотку дай этой травы, я деду заварю, пусть успокоится. А таволгу не надо, он и так хорошо бегает.

Проводив Саню, Арина отправилась на огород. Огород Миловановых славился порядком и чистотой. Длинные ровные грядки лука, моркови, огурцов. Лунки с помидорами, капустой. Вьющийся по забору горошек, небольшой участок подсолнухов, кудрявые шапки махрового мака, лечебные травы и ровные чистые дорожки, по которым хотелось ходить, как по лабиринту. И урожай у Арины был всегда отменный. Вера гордилась огородом и старалась, помогала бабушке во всем. Чистила дорожки, пропалывала грядки, поливала. А этой весной даже сделала сама грядку, ровную и красивую, с высокими бортиками. Особенно ей нравилось, когда вечером выходили люди поливать свои огороды. Вдоль речки раздавались голоса, смех. С ведрами наперегонки все бегали за водой к реке и обратно. Торопились до прихода коров из стада полить огород. Ленка с Верой тоже поливали, и было приятно, что с огорода они уходили не последними.

Вера осторожно, чтобы не нарушить край грядки, полола морковь. На голове у нее красовался огромный лист лопуха.

– Внученька, ты как свин под лопухом, – услышала она бабушкин голос и засмеялась.

– А ведь, правда, свиньи любят спать в лопухах. Ивановы выпустили свинью, а она в грязи искупалась, залезла в лопухи и улеглась там в тенечке. Мы с девчонками шли мимо, услышали, как что-то шепуршит в лопухах. Заглянули, а свинья лежит себе, похрюкивает и глаза закрыла. Мы так хохотали над ней.

Скрипнула калитка, по дорожке вдоль подсолнухов шла Нюся, мать Лешки.

– Мама, Верочка, что же это вы в такую жару взялись полоть?

– Это Вера допалывала уголок моркови. Пришла помочь ей, а она уже сама управилась.

Втроем они спустились к речке. Умылись холодной родниковой водой. Речка была неглубокой. Свое начало она брала где-то выше, по течению, среди небольших гор и скал. По всей реке били родники, поэтому вода была холодной и только в конце села, где она сливалась с другой речкой, вода была теплой. Левым боком речка цепляла край села, на котором лепились огороды. Первым огородом на ее пути был огород Миловановых, около которого был неглубокий омут. Кажется, что речка ненадолго останавливалась, делала круг, затем бежала дальше, негромко разговаривая на перекатах.

Глядя задумчиво на другой берег, где росла черемуха, Арина проговорила:

– Вера, надо будет в августе набрать ягод черемухи, вон с тех деревьев, я не смогу, голова кружится.

– Конечно, наберу. Этой черемухой вся речка заросла.

– Нет, внученька, со всей речки не надо. Нарви только вон с той, кривейшей, она наша. Мы с Сеней сажали, когда поженились.

– А рядом чья?

– Рядом сажали Саня с Максимом.

– А дальше чья?

– Ты их не знаешь, они уехали давно из села.

– Почему у их черемухи ствол кривой?

– Может, что случилось. Деревья ведь живые, все чувствуют.

– И что, по всей речке каждый свою черемуху сажал?

– Да. Когда женились, жених с невестой сажали свою черемуху.

– Бабуль, а вот ты видела, когда черемуха весной цвет роняет в воду? Как будто белое покрывало или невестина фата плывет по речке. Так красиво бывает.

– Да, Верочка, видела, – вздохнула баба Арина.

Они гуськом прошли по дорожке через огород, на котором уже трудились осы, шмели, стрекозы. Летала паутина, и плыл запах укропа. Закрыв калитку на вертушку, Вера все не унималась с вопросами.

– Тетя Нюся, а у вас тоже есть своя черемуха?

– Нет, Вера, моя черемуха не принялась.

– Давайте, я помогу вам посадить.

– Мне уже поздно сажать. А вот ты вырастишь, выучишься, будешь замуж выходить, вот и посадишь свою черемуху. Место заранее выбери, а то вдруг не достанется, – засмеялась Нюся.

– А чего его выбирать. Рядом с бабушкиной посажу, – серьезно ответила Вера.

Обе женщины переглянулись, а девочка, не замечая их взглядов, открыла калитку и вошла во двор.

Во дворе на березовых чурбаках сидели два брата – Лешка и Толик. Толик был на два года моложе Лешки. Худенький, черноволосый, кареглазый Толик с обожанием относился к старшему брату. Разница в возрасте не мешала им быть дружными.

– Бабушка, вода нагрелась, можно мы пойдем на речку искупаться?

– Идите, купайтесь. Вера, ты тоже иди.

– А стирать?

– Иди, Вера, я помогу, – откликнулась Нюся.

– Ой, спасибо большое.

Вскочив следом за мальчишками, уже за калиткой еще раз крикнула:

– Спасибо!

Нюся задумчиво посмотрела вслед девочке.

– Mam, а ведь она и правда посадит черемуху возле вашего дерева.

– Придет время – посадит. Дай-то Бог, чтобы счастливо. У вас с Федором-то как?

– Что о нас говорить. Когда не пьет – человек, а выпьет, хоть из дома беги, и ребенок не останавливает. Лешкой все попрекает.

– Доченька, Лешка-то ведь с вами не живет.

– Ему, пьяному, разве докажешь? Хорошо хоть не дерется.

Стирали они в двух корытах и вели неспешный разговор.

– Я, мама, все уже передумала. Жила ведь без мужа. Запою песню или засмеюсь – значит, кого-то завлекаю. Молчу – тоже прицепится с вопросами: что, свидание не состоялось? А уж если на гулянку куда пойду, на праздник, то от пьяных мужиков всяких слов можно ожидать, а жены потом косятся. Противно и обидно очень, ведь напрасно говорят. Душе больно. Хозяйство держала, приходилось кланяться чужим мужикам. То сено привезти надо, то дрова. Кто поможет без разговора, а кто с намеками. Если до какой жены дойдет, что помог, то и на улицу не выходи – скандал устроит.

– Душа за тобой, доченька, болит.

– Не переживай, мама. Живу как живу. Вдовам вон еще труднее приходится, у них вон по сколько детей, а тянут, хоть и со слезами. Михаил, когда машинку стиральную привезет, руками-то тяжело стирать... – перевела разговор Нюся.

– Обещал в этот выходной привезти. Не знаю, смогу ли я на машинке стирать?

– Сможешь, я покажу. Да и Вера на ней сможет.

Прополоскав и развесив белье, Нюся собралась уходить.

– Пойду я, мама. Скоро на дойку идти. Толик вот приходит на ферму, помогает мне. Говорит: «Вырасту большой, заберу тебя от отца».

– Не настраивай против отца. Его-то он не обижает. Может, пить бросит. Думаешь, легко Лешке без отца, а Вере? Вот и тороплюсь, готовлю их к взрослой жизни. Успеть бы выучить. А ты, доченька, голову не клони, не пускай в душу грусть-тоску. Ты мать – корень своим детям. Если уж тебе Бог не дал судьбы хорошей, тогда надо самой детей на ноги ставить. К труду приучай. Труд никого еще не испортил. В душе их сей добро, милосердие. Находи время выслушать их, посоветовать им. Пословица есть такая: «Что вдолбит мать, то не вдолбит отец». С пониманием, с любовью подходи к детям и о справедливости не забывай. Свои обиды на жизнь не взваливай на плечи детей. Сама носи свой крест. У них своя жизненная дорога будет. Им придется самим свои задачи решать.

Отрезав кусок шаньги, завернув его в бумагу, подавая его Нюсе, она продолжила:

– Знаешь, что мне в жизни помогало, когда было трудно?

– Что?

– Песня.

– Какая песня?

– Давно как-то услышала песню смешную, про блоху. Что только ей не пришлось пережить, а она все живая, прыгает себе. Я не пела, а просто говорила слова, и мне становилось легче. Знаешь, как сильно помогает, когда тяжело бывает.

– Мама, вы всегда настроение поднимете. Надо же, песня про блоху, а как она начинается?..

– «Жила-была блоха, ха-ха...» Иди с Богом, опоздаешь, – смеясь, проговорила Арина.

Всю дорогу до фермы Нюся повторяла слова про блоху и смеялась.

Прикрыв кухню, Арина прошла в дом, где было чисто и прохладно. Положив подушку на диван, она прилегла, но задремать не удавалось. Одна мысль цепляла крючком другую и ворошила память.

Арина не жаловалась на жизнь. Бог наделил ее полной мерой и горем, и радостью. Вышла замуж по любви. Четверых сыновей и дочку родила она своему Сенечке. Но война разлучила их с мужем и старшего сыночка, кровиночку, не пожалела. Остальных детей, как и многие вдовы, поднимала одна. Хороших детей вырастила, вот только судьба не у каждого сложилась, как хотелось бы. Дочь Нюся, красавица, не по своей вине не смогла себе судьбу хорошую выбрать. Женихи ее остались на войне, да и не только у нее. В деревне после войны остались тридцать девок, да вдов не меньше. Вот и выходили девушки за нелюбимых. Каждой хотелось семьи, детей. Вышла замуж и Нюся, но, когда пришло время родить, муж не приехал за ней в больницу, другая перехватила. Проглотив обиду, она вернулась к матери в дом с ребенком, Алешкой. Дома не засиделась, пошла работать. Работала за троих, топила в работе свою обиду. Никогда не спорила с бригадиром, выполняла любую работу. Ее хвалили, ставили в пример, но бабы, нет-нет, да напоминали ей, что брошенка она. Нюся не пыталась им доказывать и, только когда бежала в обед кормить Лешку, давала волю слезам. Арина видела, как тяжело приходится дочери, подбадривала словом, как могла, да шентала вслед молитву. Однажды в деревне появился командировочный. Стал ухаживать за Нюсей. Без особой любви сошлась она с ним. Хотела, чтобы у сына был отец, раз родной отказался. Но не принял отчим Лешку. Зверем смотрел на мальчишку. Заметалась душа у Нюси, но уходить от мужа

было стыдно от людей. Ведь второй раз судьба не складывалась, и без мужа в деревне беда. Стала приноравливаться к мужу. Выпивал он, а пьяный становился буйном. Сумела она найти подход к нему, сохранила семью, родила сына Толика. А Лешка стал жить у бабушки, иногда ходил к матери, когда дома не было отчима. И только когда его за что-нибудь ругали, возникали у него мысли, что никому он не нужен. Но это было не так. Арина в нем души не чаяла, на Семена он был похож. Мать его тоже любила, вот только боялась при муже свою любовь показывать.

Сыновья Арины Михаил, Николай и Володя, отслужили в армии, из деревни уехали. Николай и Володя отправились на Дальний Восток. Там женились, приезжали редко. Своя жизнь у них была. Арина не обижалась на них. Писали они ей, что все хорошо у них. Присылали фотографии внуков, посылки, деньги. Она молилась за них. А вот у Михаила как-то нескладно получилось. Взял он женщину с ребенком. В первый раз, когда привез Михаил свою жену Надю с дочкой Верочкой, ахнула деревня от такой красоты. Пара была хоть куда. Михаил высокий, статный и Надя – стройная, с тонкой девичьей талией. Выющиеся русые волосы, заколотые в прическу, чуть вздернутый носик, полноватые губы и большие темно-серые глаза. Была она в черной юбке, в белой кофточке с вышитыми на груди васильками и в черных замшевых туфельках. И девочка ее была хорошенькой, походила на мать, только кудрявые волосы падали на плечики, да ясные глаза смотрели на мир удивленно. Арина шептала про себя молитву, чтоб не сглазили, но, видно, не тому святому молилась. Когда разошлись гости, все домашние улеглись спать, Надя поведала Арине о своей судьбе. Она – из семьи военных. Одна дочь у родителей. Муж тоже служил вместе с ее отцом. Однажды на полигоне испытывали новое оружие. Испытание прошло удачно, вернее, думали, что удачно, но через некоторое время стали болеть и умирать военные, которые присутствовали на испытаниях. Вначале умер отец, потом муж. У матери не выдержало сердце. Остались они с Верочкой вдвоем. Работала в школе учительницей. Однажды повела своих учеников на завод, где работал инженером Михаил. Он знакомил учеников с цехами, рассказывал о профессиях, а сам поглядывал на молодую красивую учительницу. Знакомство продолжилось.

К сердцу пришлось сноха Арине. Все горело у Нади в руках. С любой деревенской работой справлялась на удивление хорошо. Не

выдержала Арина, спросила, как это она городская, а так все ловко у нее получается. Засмеялась Надя. Но ответила: «Я же всю жизнь по гарнизонам ездила, а в гарнизонах, как в деревне, все приходилось делать».

Иногда примечала Арина, что Надя как будто замирала. Делалась бледной, а глаза становились огромными, неподвижными. Спросить, что с ней, стеснялась, а сама она ничего не говорила. Подумала Арина с радостью, что беременная сноха и скрывает ото всех. Каждый вечер шептала перед иконами: «Господи, сохрани и помилуй всех моих детей, внуков, родных, близких ото всех бед, несчастий и болезней».

Прожили Михаил с Надей четыре года как один день. Все у них было ладно. Забеременела Надя. Но врачи запретили ей рожать из-за болезни сердца. Не послушала она врачей, хотела сына Михаилу подарить. Не смогли врачи ее спасти, и в десять лет осталась Верочка сиротой.

На похоронах Верочка не отходила от Арины ни на шаг. Когда приехал из Ленинграда родной дед по отцу, Петр Сергеевич, стали решать судьбу девочки. Поздно вечером сидели втроем на кухне. Смотрела Арина на мужчин, слушала молча, как они рядили, где и с кем Верочке лучше будет жить. В разговор не встревала, но сама для себя давно все решила. Выбрав момент, когда мужчины замолчали, она спокойным голосом сказала:

– Верочка поедет со мной. Вам, Петр Сергеевич, за больной женой надо ухаживать, а тебе, Миша, с твоей работой, времени на ребенка не будет хватать. Девочке женская рука нужна. На сколько сил и здоровья хватит у меня, столько она и будет со мной, а дальше как Бог даст.

В наступившей тишине было слышно, как шли часы. Петр Сергеевич встал, подошел к Арине, взял ее руки в свои, наклонился и со словами: «Спасибо Вам» поцеловал их. Смущенно отдернув руки, Арина ушла в комнату, где спала Вера.

Ни одного дня не пожалела Арина о том, что взяла внучку. Прикипела всей душой к Верочке. Все свои знания, умения, жизненный опыт потихоньку, ненавязчиво передавала она ей. И девочка, понимая, что ближе, чем бабушка, на всем белом свете у нее никого нет, дарила свою любовь. Напоминали они солнышко и подсолнух, но кто из них подсолнух, а кто солнце, было не разобрать. Вроде как заново

проживала свое детство и юность Арина, глядя на внуков. Со своими детьми было не так. Молодая была, торопилась жить, подгоняла детей, некогда было оглянуться, посмотреть вокруг, передохнуть. А сейчас торопиться некуда. Мудро направляла внуков, незаметно взращивала в них доброту, порядочность, приучала не бояться любого труда. Наблюдала она своим глазами и за родным внуком. Радовалась, тревожилась и удивлялась тому, как могло случиться, что ни один из ее сыновей не был похож на Семена, а Лешка, внук, становился копией деда: светлые волосы, голубые глаза, походка, легкий характер и голос, от которого она в последнее время стала вздрагивать. Чудилось ей, что это ее Сеня говорит, но главное – ухмылка. Помнила она ее хорошо. Сердце у нее замирало, когда он улыбался, не размыкая губ, и слегка приподнимал левую бровь. Тревожилась за внука. Знала, что не одну девичью головушку вскружит. Как внушить ему, чтобы не обижал он девчонок, не ломал их судьбы. Чтобы помнил, каждая из них – это будущая мать и у каждой своя судьба. Чтобы не порхал с цветка на цветок, не растрчивал себя, не опустошал свою душу, а берег свою силушку и любовь для одной, единственной. Чтобы испытал он такую любовь, от которой покоя бы не было ни днем, ни ночью. Чтобы душа запела и хотелось бы обнять весь мир. Чтобы и ему ответили такой же любовью. Чтобы дорожили своим счастьем и берегли свою любовь до конца жизни своей. Глядя на внуков, шептала: «Господи, наставь их на путь истинный. Дай им здоровья, ума и счастья. Сохрани и помилуй».

Скрипнула дверь, раздался Верин шепот:

– Бабушка, ты спишь?

– Нет, не сплю, просто лежу. Проголодались после купанья?

– Еще как. Белье я сняла, оно уже высохло.

В летней кухне Лешка метал на стол все подряд: хлеб, ложки, тарелки. Втащил из печи чугунок со щами, картошку и только тогда успокоился, сел за стол. Арина с Верой ели не спеша. Лешка же ел торопливо, щи с хлебом заедал тушеной картошкой. Вера не выдержала:

– Леша, ты пищу хорошо пережевывай, а то глотаешь, как удав.

– Бабушка, – мотнул он головой в сторону Веры, – смотри, сама ведь задирается.

– Будет тебе сердиться, она ведь шутит с тобой.

– Леш, я ведь тебя не обзывала, а сравнила, чтобы ты не торопился, ел.

– Бабуль, – спросила Вера, – а что это за кусты растут в палисаднике у калитки? Два года назад они были маленькими, а в этом году выше забора. Растут и растут.

Лешка ухмыльнулся:

– Еще врачом хочешь быть, травы ходишь, собираешь, а черемуху не узнала.

– Так черемуха на речке деревьями растет, а в палисаднике – кусты.

– На речке воды много, вот она и растет деревом, а здесь ее поливать надо было, пока она маленькая.

– А кто ее в палисаднике посадил?

Не успела Арина ответить, как Лешка вылетел с ответом:

– Дядя Миша с тетей Надей, твоей матерью, сажали. Я им тоже помогал.

Вера, опустив голову, вышла из кухни. Арина, схватив полотенце, хлестнула Лешку по спине.

– Когда думать будешь, прежде чем говорить? – и вышла следом за внучкой.

Вера стояла в палисаднике и гладила рукой листочки черемухи. Увидев бабушку рядом, спросила:

– Бабуль, что же делать, кустами ведь растет?

– Это дело поправимое, внученька.

С виноватым лицом подошел Лешка.

– Ну-ка, Алексей, неси топор, а ты, Вера, выбери самый сильный и высокий росток.

– Один?

– Можно два оставить, чтобы вдвоем веселее было. Второй росток подальше выбирай, чтобы не мешали, друг другу расти.

Желая загладить вину, Лешка сам вырубил поросль, вскопал лунки вокруг и полил.

– Вот теперь, Вера, следи, чтобы рядом новых ростков не было. Тогда деревья будут быстрее расти и года через два зацветут, – давала совет баба Арина.

– Бабушка, одно дерево будет мамино, а другое папы Миши.

– Нет, Вера, второе дерево пусть будет твоего родного отца. Они ведь там, на небесах, сейчас вместе, – вздохнула Арина.

Закончив десять классов и чтобы не терять зря год до армии, Лешка выучился на шофера. Директор совхоза выделил грузовую

машину, правда, разбитую. Всю зиму Лешка ее ремонтировал и только весной начал на ней работать, к всеобщему удивлению и радости директора. В июне, получив повестку в армию, он все никак не мог расстаться со своей машиной. В последний раз, подогнав ее к дому, он решил кое-что в ней подладить и потом угнать в гараж. За последний год он очень изменился. Готовясь к армии, он сделал во дворе турник и всю весну на нем упражнялся. Эти занятия, да и деревенский труд сделали свое дело. К восемнадцати годам Лешка выглядел крепким, стройным парнем. Вера с подружкой Лизой решили поступать после восьмого класса в медучилище. Готовясь к очередному экзамену, они сидели в доме Миловановых в одних купальниках. Лиза, закрыв глаза, отвечала на вопрос билета. Вера ее слушала, поправляла и невольно обратила внимание на ее пышную, не по годам развитую грудь. Она перевела взгляд на свою грудь, но ничего подобного у себя не увидела.

– Вер, – простионала подружка, – хватит на сегодня, у меня мозги расплавились. Пойду домой, передохну немного.

Вера, накинув халатик, вышла на крылечко проводить подругу. Лиза, прихватив платье, как была в купальнике, побежала к калитке со словами: «Я бегом, здесь рядом».

Внезапно калитка открылась, и во двор вошел Лешка. Руки у него были черными от мазута. Вера увидела, как его взгляд уперся в Лизину грудь и усмешку на губах. Проходя мимо Лизы, он резко развернулся и прилепил мазутную руку ей на грудь, потом похлопал по щекам. Лиза завизжала, начала отбиваться, но все тело у нее становилось черным, и было видно, что ей очень нравится, как Лешка ее хлопает. Что-то случилось с Верой. Сердце перестало биться, а потом гулко застучало. Как отмывали Лизу, как она ушла, Вера не помнит. Да ей и не нужна была Лиза. Сегодня она впервые увидела Лешку глазами взрослеющей девушки. Увидела его взгляд, усмешку, и что он взрослый, красивый парень. Вернувшись в дом, села за стол, но геометрия в голову не шла. Она встала, подошла к окну, осторожно приоткрыв шторы, начала разглядывать Лешку. Высокий, стройный, крепкого телосложения, он, прищурившись от солнца, что-то крутил в руках. Вера отпрянула от окна, постояла. Что случилось с ней? Мысли, перебивая друг друга, закружились в голове: встречается с Тоней, уходит в армию, бабушка, тетя Нюся, как стыдно перед ними. Но над всеми мыслями витала главная: «Он мне не брат». На цыпочках подо-

шла к зеркалу. Оглянувшись, как будто кто-то мог ее увидеть. Расстегнула халатик, придирчиво стала рассматривать себя в зеркале: вьющиеся густые волосы, большие глаза, аккуратный носик, полноватые губы вроде бы еще ничего, но дальше смотреть не на что. Правда, ноги ровные и все. Больше ничего такого нет, чем так щедро наделила природа Лизу. Почему-то стало жалко себя и обидно. Застегнув халат, она вышла из дома и прошла в летнюю кухню. В кухне, на Лешкиной кровати, отдыхала бабушка. Увидев Веру, она попыталась встать.

– Бабуль, лежи, я сама, – и начала собирать на стол обед. Потом подошла к кровати, встала на колени, положила голову на подушку, рядом с бабушкиной, и закрыла глаза. Баба Арина начала молча гладить Веру по волосам, ни о чем не спрашивая. Вдруг она увидела, как из-под густых ресниц на подушку скатились две слезинки. Вера лежала, не открывая глаз. Арина осторожно приподнялась и села на кровати, с тревогой глядя на внучку. Вера не шевелилась, а из-под ресниц продолжали катиться слезинки.

– Господи, твоя воля, внученька, да что с тобой, моя хорошая? – запричитала баба Арина.

На крик прибежал Лешка и застыл в дверях. Он увидел испуганную бабушку и Веру, стоящую на коленях.

– Лешка, Господи, с Верой что-то неладное.

– Заболела? – почему-то шепотом спросил Лешка.

Услышав его голос, Вера встала с колен, прошла во двор к умывальнику. Умылась, вернулась к столу и, как ни в чем не бывало, сказала: «Давайте обедать».

Ели молча. Время от времени Лешка спрашивал:

– Вер, может, тебя кто обидел, скажи, я ему морду начищу.

– Нет, никто меня не обидел.

– Может, ты из-за Лизки? Пошутил я, больше не буду.

– Нет, не из-за нее.

– Экзаменов боишься, да? Сдашь ты их, ведь на пятерки училась.

– Не боюсь я экзаменов, – но глаз на Лешку не поднимала. Не могла она смотреть ему в глаза. Боялась, что выдадут они ее, и только ресницы подрагивали.

После обеда Лешка с растерянным лицом снова ушел к машине. Вера вернулась в дом учить билеты. Сидя с учебником в руках, она задумалась. Вспомнила мальчишек, которые пытались оказывать ей внимание. Чувствовала взгляды одноклассников – Сашки Андреева и

Сережи Хохлова. Вспомнила и то, как Лешка на Новый год в клубе обнимал то одну девчонку, то другую. Это было в шутку, так делали все. А вот с Тоней Деевой он встречался уже месяца три. Это была пухленькая, смешливая девчонка. Ее заразительный звонкий смех часто раздавался в кругу девчат. Лешка был на два года моложе ее, и она немного снисходительно относилась к нему. Это его обижало. Но что-то, видно, ей нравилось в Лешке, и она упорно не давала шансов другим девушкам.

Вера вновь подошла к окну, еще раз посмотрела на Лешку, который в это время лежал под машиной и колотил молотком. Услышав в коридорчике шаги, она быстро вернулась к столу. Осторожно вошла бабушка и села за стол напротив внучки. Какое-то время побубнив, Вера неожиданно спросила:

– Бабуль, а кого называли царь-девкой? – и улыбнулась.

Арина опешила от таких слов. Она ожидала, что Вера расскажет ей о причине слез, а она вспомнила о давнем разговоре.

– Я уже и не помню, что говорила, времени-то много прошло.

– Пожалуйста, вспомни, бабуль, – и, отодвинув в сторону книги, подперев кулачками под подбородок, приготовилась слушать

– Что о ней говорить-то, обыкновенная девка была, как все.

– А почему «царь»?

– Вот ведь настырная ты какая.

– Ну, бабушка, расскажи.

Арина поправила платок на голове, помолчала, затем начала рассказывать:

– Была она среднего росточка, кареглазая, тугая коса, прямой стан.

– А грудь?

– Что, грудь?

– Какая у нее была грудь?

Арина улыбнулась, кивнула головой на Веру.

– Да вот чуть поболе твоей. Говорю же, обыкновенная девка была. Любую работу на совесть делала. Когда приходила на гулянье или шла по улице, все старались с ней поздороваться.

– Почему?

– Она всех называла полными именами, а старших по имени-отчеству. Люди всегда хотят слышать свое полное имя. Вот представь себе, называют парнишку Ванькой да Ванькой или девушку Манькой называют. Уже взрослые они, а их все так же называют. А тут прина-

родно назвали его Иваном, а ее Марией. По-другому начинали смотреть на Ивана, с уважением. И сам Иван расправлял плечи, взгляд становился другим, и поведение менялось. И девушка уже не Манькой была, а Марией. Называя по имени-отчеству какую-нибудь забитую жизнью и работой бабенку или старика, эта девушка как бы встряхивала их. Заставляла самих себя уважать, помнить родителей. И женщина начинала понимать, что и она не хуже других и к ней с уважением относятся. У нее менялось настроение, голову свою поднимала от земли и солнышко начинала видеть. А старики довольные были, что и их вниманием не обошли, с уважением к их старости относятся.

– Что же она у всех в селе знала имя-отчество?

– Знала, она же выросла в этом селе, да и мать с отцом подсказывали.

– Что же она еще знала?

– Чему ее мать с отцом научили, то и знала. Умела шить, вышивать. Травы знала, людей лечила. На чужую беду всегда откликнулась. Все домашние дела с любовью делала. Дом в порядке держала: чистота и уют у нее были, как в церкви, готовила хорошо. В огороде у нее все как на дрожжах росло. Мама у нее часто болела, вот она и взяла на себя всю работу, заодно и научилась всему. Добрая была и смелая. Животных любила. Вот, например, как она корову в стадо гоняла. Все коров палкой погоняют, у нее – за ней ходила. Девка впереди, корова за ней. Однажды корова ее и спасла. Девчонкой небольшой она была. Прошел дождь. Они спускались с косогора. Вдруг корова головой отбросила девчонку в сторону. Ничего не понимая, девчонка стала подниматься с земли и увидела, что у коровы подогнулись ноги, и она съезжает с горы по грязи. Если бы буренка не откинула ее в сторону, то раздавила бы своей тушей. Корова же отнеслась к ней, как к своему теленку. Будучи взрослой, она сама спасла ребенка.

– Как спасла?

– Вечером возвращалось стадо домашних коров с пастбища. Среди стада был колхозный бык. Звали его Чингизханом. Здоровый, над рогами кудри, красивый, поганец. Люди его боялись. Если пастух ненадолго замешкается и не угонит его на ферму, он обязательно кому-нибудь сарай развалит. В этот раз вот что случилось. Хозяйки разобрали своих коров, а Чингизхан остался один на деревенской улице. Обидно ему было, что остался без коров. Шел этот бычище по улице и утробно ревел. Вдруг из калитки вышел маленький ребенок и

прямо на дороге упал в пыль. Бык остановился, потом заревел, копая и разбрасывая копытами дорожную пыль, пошел на ребенка. Старики, дети ничего не могли поделать, все замерли. Кто-то закричал. До ребенка оставалось с метр. И в это время метнулась гибкая девичья фигура. Резко кулаком ударив по носу быка, она схватила малыша и забежала во двор. Бык взревел и пошел к дому, где скрылась девушка. Он разнес весь палисадник и принялся за ворота, но подъехал пастух и угнал его на ферму. Старики, дети двинулись к дому, куда забежала эта девушка. Открыв калитку, они увидели ребенка, который играл на крыльчке, а рядом старшую сестру Клаву.

– Ну ты молодец, Клава, быку по морде дала.

– Не я это, а подружка моя, и назвала имя той девушки. Она через задний двор только что домой ушла.

Не любила та девушка хвастаться, не страдала гордыней, и люди ценили ее за это, тянулись к ней. Многие парни мечтали видеть себя рядом с ней, но ее ровное, уважительное отношение ко всем не давало им надежды. И все-таки случилось с ней то, что случается с каждой девушкой.

– Бабушка, что же случилось с ней?

Арина молчала.

– Ну, бабушка, миленькая, что случилось с этой девушкой? – пытливо заглядывая в глаза бабушке, спрашивала Вера.

– Полюбила она, – вздохнув, тихо ответила Арина, улыбнулась, а глаза из-под платка молодо заискрились.

Вера, затаив дыхание, ждала. Баба Арина, глядя куда-то мимо внучки, как будто ее с ней рядом не было, продолжила:

– Перемену в ней заметили все, а причину понять не могли. Подружки допытывались, а она молчала. Ходила, прямо вся светилась. Будто солнышко внутри у нее было, а лучи из глаз ее сияли. Боялась она своим взглядом любимого опалить. При встрече с ним опускала взгляд, и только ресницы дрожали. Однажды услышала, как один старичок сказал ей вслед: «Царь-девка», а второй добавил: «Да уж куда лучше».

У Веры похолодело сердце. Сцепив под столом пальцы рук, она прошептала:

– Рассказывай дальше, бабушка.

– Я и говорю, не хотела она ему намекать на свои чувства. Хотела, чтобы он сам полюбил, чтобы и у него горела душа и каждую ми-

нуточку о ней думал и летел к ней, как на крыльях. Что и говорить, хорош собой был тот парень. Синеглазый, статный. За словом в карман не лез, шутить умел без злобы, работающий и добрый. Девки за ним табуном ходили. Не обижал он их грубым словом. Любил плясать с ними. Каждой было приятно его внимание. У многих сердце замирало при виде его. Но что-то пока молчало его сердце. Однажды летом гулянье было на праздник. Днем молодежь в березовой рощице в игры играла, а вечером танцы были. Пришли стар и млад на молодежь посмотреть. Заиграл гармонист. Протанцевали «Коробочку», вальс, «Краковяк». Зазвучал перепляс. Уже образовался круг. Каждая девка ждала, когда подойдет ее парень, топнет ногой перед ней и протянет руку, приглашая на танец. Но что-то в этот раз замешкались ребята. И тут встретились взглядом те двое, девушка и синеглазый парень. Не успела она свой взгляд отвести. Парень поднял бровь, усмехнулся уголками губ и, вдохнув в себя воздух, влетел в круг. Все ждали, а особенно девушки, кого же он выберет, кому подаст руку. В танце он прошел по кругу и, заходя на другой, остановился перед той девушкой, топнул ногой и подал руку. Все ахнули и столпились ближе посмотреть на пляску. Девушка подала руку и, поводя плечиками, не отрывая своих лучистых карих глаз от его, синих, мелким дробным шагом вошла в круг. Парень взвился и пошел на нее, то наступая, то кружа вокруг. Ударяя ладонями по голенищам хромовых сапог, взмахивая руками, как крыльями, закрывая от чужих глаз и тесня ее. А она уворачивалась от него, дробила каблучками, пыталась опустить взгляд, но он не позволял ей опускать глаза, тонул, сгорал, но своих настойчивых синих глаз не отводил. Металась белая рубашка по кругу. Дрожала коса девушки в такт пляски. Такого перепляса давно не видела деревня. Все стояли молча, смотрели. Кто с удивлением, кто с восхищением. Каждый понимал, что-то происходит между плясавшими, а что, не могли определить. Наконец гармонист остановил игру. Девушка вышла из круга, не оглядываясь, быстро пошла в сторону своего дома. Парень тоже вышел, но за девушкой не пошел, а свернул к реке. С разбега, прямо в одежде, он прыгнул в воду с берега. Какое-то время в клубе стояла тишина. Потом послышалось всхлипывание. Это плакал старый дед Матвей.

К нему подбежал какой-то парень:

– Дед, ты чего плачешь-то?

– Уйди, охламон. Ничего ты не понимаешь. Сегодня родилась настоящая любовь. Можешь ты это понять?

– Не знаю, – растерянно ответил парень.

– То-то и оно, что не знаешь.

Танцев больше не было. Все потихоньку расходились по домам. Каждый уносил в душе то, к чему сегодня нечаянно прикоснулся. И это «что-то» было прекрасным, светлым, чистым, которое всех озаряло, и терять это чувство не хотелось.

Арина замолчала и, как в забытьи, продолжала смотреть мимо внучки. Вера медленно, чтобы не спугнуть бабушку, проследила за ее взглядом. Осторожно развернулась на стуле и увидела на стене портрет молодого мужчины, похожего на Лешку. Она знала, что это был погибший на фронте бабушкин муж. Догадка, как вспышка, озарила ее.

– Бабуль, – прошептала Вера, – так царь-девкой была ты?

Арина очнулась, перевела взгляд на внучку, но ничего не ответила. Она не расслышала вопроса. Вера спросила громче:

– Бабушка, царь-девкой тебя называли?

– Когда-то называли, но это было очень давно, а сейчас я просто старая бабушка.

Вера вскочила со стула, подбежала к Арине, обняла ее и в ухо ей проговорила:

– Ты не старая бабушка, а царь-бабушка.

– Придумала же царь-бабушка, таких не бывает.

– Но ведь царь-девка была, значит, и царь-бабушка бывает.

Они долго смеялись. Потом Вера подошла к портрету.

– Бабуль, а Лешка ведь похож на деда Сенечку.

– Да вылитый дед. И характер такой же легкий, и фигура, и голос. Все дедово собрал, сама удивляюсь.

– Что же потом, пришли тебя сватать?

– Пришли, только через год.

– Почему через год?

– Понимаешь, Вера, это я знала, что люблю. Та пляска для Сени была открытием, что вроде полюбил. Нужно было время, чтобы он разобрался в своих чувствах, чтобы понял – любовь это или увлечение. Вскоре после долгой болезни умерла моя мама. Для нас с отцом это было большим горем. На гулянье я не ходила где-то полгода. Днем, где встретимся, поздороваемся да разойдемся. Только глазами говорили, что очень любим и ждем друг друга. Подружки говорили,

спрашивает Сеня обо мне. Однажды приехала в гости к Ляминым родня, городская девушка. На гулянье стала приходиться, наших ребят завлекать. Забеспокоились наши девчата. Не было у них таких платьев и туфель, как у городской. Передали мне, что стала она на танец Сеню выбирать.

– Испугалась ты, наверное, что Сенечку городская уведет?

– Нет, Вера, не испугалась я городской. Верила я в него, хоть и словом не обмолвился о своих чувствах ко мне. За девчат наших обидно было. Наши ребята ей не нужны были. Она свое самолюбие тешила, нарядами завлекала да девчат дразнила. Пришла я на гулянье с подружками. Сеня увидел меня, весь засветился. Заиграли танец. Через весь зал прошел он ко мне мимо городской и пригласил на танец. Ребята как будто очнулись, стали своих девушек приглашать. На нас уже никто внимания не обращал. А мы не могли друг на друга насмотреться. Городская больше ни с кем не танцевала, ушла, а вскоре уехала в город. Первый раз пошел меня Сеня провожать. Вел бережно, держались за руки. Возле дома долго сидели на лавочке, говорили обо всем. С этого вечера стали мы с ним встречаться. Через год отвели маме годовщину, и пришли сваты. Сыграли свадьбу и стали жить вот в этом доме с моим отцом. Все мы с Сеней умели делать. С шуткой преодолевали трудности. Жалели друг друга, любили. Счастливыми мы с ним были. Отец радовался за нас. Родили мы с Сеней пятерых детей. Вот за этот стол все садились, – Арина положила ладонь на край стола, – весело было. Смотрели на нас с Сеней родные голубые и карие глаза детей. Семья у нас дружная была. Добрыми дети росли. Взрослые помогали маленьким. А маленькие учились всему от больших. Война помешала нашей счастливой жизни. Перед войной отца похоронили. В сорок втором в сентябре пришла похоронка на Сеню из госпиталя: «Умер от тяжелых ран». Думала, мое сердце разорвется на части, а когда в сорок четвертом пришла похоронка на сына Павлушу, душа замерла и жизнь остановилась. Вот только дети и спасли. Надо было их поднимать. А вот сейчас живу вашими жизнями, – и, закрыв руками лицо, баба Арина заплакала, как маленький ребенок.

Впервые Вера видела, как плачет бабушка и что она уже старенькая и беспомощная. Сердце заныло от жалости. Обняв бабушку, она тоже заплакала. Хлопнула дверь, вошел Лешка. Увидев, что бабушка и Вера плачут, возмутился.

– То одна плакала, теперь вдвоем. Чего ревете-то, вы мне можете сказать? Может, я тоже с вами поплачу.

Вера сквозь слезы проговорила.

– Дедушку вспомнили.

– Ну ладно, бабушка плачет, ты-то чего реवेशь? Ты же его не знала. Да и лет сколько уже прошло.

– А мне бабушку жалко, – вытирая ладошкой слезы себе и бабушке, ответила Вера.

– Вы еще не вздумайте плакать, когда меня в армию будете провожать. Не люблю я, когда плачут. Пошлите лучше ужинать. Ну что за день сегодня, одни слезы. Жалко ей, – еще раз проворчал Лешка, уже у двери.

Позже Вера спросила у Арины:

– Бабуль, а меня можно назвать царь-девкой? Я ведь тоже все могу, что и ты.

– Внученька, это звание от людей надо получить, а не от меня.

– Так ведь уже, наверное, никто не помнит это название?

– Знают и помнят, моя хорошая. Может только по-другому называют.

В армию уходили из села трое парней. Поэтому почти вся деревня была приглашена к кому-нибудь на проводы. Баба Арина, Нюся и Вера два дня готовили угощения. Варили холодец, жарили рыбу, пекли пироги. На другой день к вечеру загуляла вся деревня. Слышались песни, раздавались звуки гармошки. Ходили компаниями по улице с частушками, плясали в клубе, жгли всю ночь костры на реке. Проводив гостей, Вера с Лизой поздно ночью перемыли всю посуду. Сходили на речку, посмотрели, как дурачилась подвыпившая молодежь. По традиции уходивших в армию ребят искупали в родниковой воде, чтобы не забывали родных мест. Но сладить с призывниками было трудно, в результате все гости побывали в воде и сейчас со смехом и шутками стояли около костра – сушились.

Утром все провожающие собрались возле конторы. Попрощавшись со всеми, перецеловав полсела, Лешка подошел к своим. Прижал к себе Толика со словами: «Присматривай тут за женщинами», потом обеими руками обнял бабушку, мать и Веру и сказал: «Ждите меня и пишите». Резко развернулся и, прихватив рюкзак, пошел к машине. Он знал, если задержится возле своих, они заплачут, и он

тоже может не выдержать. А плакать ему нельзя, он будущий солдат, да и девочки смотрели на него. Перекинув рюкзак с вещами, он перемахнул борт машины и сел рядом с ребятами на лавку. Машина тронулась. Махали руками и что-то кричали провожающие вслед. В ответ махали новобранцы до тех пор, пока машина не скрылась за косягом. Арина вспомнила, как провожала на фронт мужа и сына. Комок подкатил к горлу, мешая вдохнуть воздух.

– Господи, сохрани и помилуй Алексея. Помогай ему в служебной державе.

Вера обняла бабу Арину за плечи.

– Бабуль, я с тобой буду всегда. Пожалуйста, не расстраивайся, давление подскочит.

Вернувшись домой, попили чай, сходили на огород. Вера ни на шаг не отходила от бабушки и, только когда она прилегла отдохнуть в доме, вышла в летнюю кухню учить билеты. Через две недели надо было ехать сдавать экзамены в медицинское училище. Поступать они решили с Лизой. Арина одобрила решение внучки. В памяти еще все было свежо после школы, но все равно было немного страшновато. Но не успела она повторить один билет, как на пороге кухни появилась Лиза.

– Вера, пляши, вам письмо из Ленинграда, наверное, от деда.

– Ладно тебе, давай сюда письмо.

Раскрыв конверт, Вера начала читать.

– Что пишет дед? – листая учебник, спросила подружка.

– Просит разрешения приехать к нам для серьезного разговора.

– Вер, он, наверное, за тобой приедет?

– Не знаю.

– А ты бы поехала, все-таки Ленинград, говорят очень красивый город.

Вера ничего не ответила, она рассматривала письмо.

– Знаешь, Лиза, в каждом письме, в конце всегда неровными буквами было написано: «Мы тебя очень любим, Верочка». Это писала бабушка Мариша. Она парализована, и буквы получались у нее кривыми. А вот уже полгода, как в письмах нет этой приписки.

– Может, в больнице лежит?

– Может быть.

В конце июня родители Лизы увезли двух подружек в город на экзамены. Временное жилье сняли у дальних родственников. К Михаилу обращаться не стали, так как его новая жена ревностно относилась к Вере, поэтому и в деревню не приезжала, а каждое лето с детьми уезжала на юга или к своим родителям на дачу. Перед отъездом, под диктовку бабы Арины, Вера написала приглашение деду в Ленинград. Обе понимали, с каким серьезным разговором придет Петр Сергеевич, но вслух об этом не говорили. Арина не могла представить, что Вера навсегда может уехать в Ленинград, хотя и допускала такую возможность, все-таки дед-то родной. Конечно, она и так уедет из дома, если поступит, но на каникулы, а когда и на выходные будет приезжать, а Ленинград далеко.

Через две недели Вера с Лизой вернулись студентками первого курса медицинского училища. До начала занятий оставалось полтора месяца. И надо было переделать множество дел, ведь бабушка оставалась одна. Но сразу начать осуществлять свои планы ей не удалось. Утром следующего дня к дому Миловановых подъехала легковая машина. Из нее вышел высокий худощавый мужчина в шляпе с плащом, перекинутым через руку. Расплатившись с таксистом, подхватив чемодан, он вошел во двор. Во дворе был идеальный порядок и чистота. Взмахнув крыльями, взлетел петух на забор и громко закукарекал. Петр Сергеевич засмеялся.

– Ну, здравствуй, Петруша, ты что, родного не признал?

На голос из кухни вышла Вера.

– Ой, дед приехал, – смутилась, не смея сделать шаг навстречу.

– Верочка, внученька, какая ты большая стала, – подходя к ней, обнимая и целуя ее в голову, в глаза, приговаривал Петр Сергеевич, пряча свои глаза, полные слез. Так в обнимку они и вошли в кухню. Арина поспешила навстречу к ним, здороваясь с Петром Сергеевичем, приглашая его к столу, справилась о здоровье Марины Юрьевны, но он промолчал. Немного успокоившись от встречи, позавтракав и уже за чаем, Петр Сергеевич проговорил:

– Верочка, а я за тобой.

Девушка вздрогнула, посмотрела на Петра Сергеевича. Перед ней сидел уставший, с грустными глазами, с глубокими морщинками на лбу ее родной дед. Она не ощущала родственных чувств к нему, но и обидеть его резким отказом не могла. Поэтому ответила первое, что пришло в голову.

– Я поступила в медучилище. Мне учиться четыре года.

– Я помогу перевестись в Ленинград. Я думал, ты закончишь десять классов.

– Дед, я не смогу поехать с тобой.

– Я не тороплю тебя, Вера, подумай хорошо. У нас есть неделя. За это время мы узнаем ближе друг друга.

Облегченно вздохнув, Вера, сказав, что идет к Лизе, вышла из кухни.

Арина и Петр Сергеевич остались одни.

– Петр Сергеевич, Вы не ответили, как здоровье Марины Юрьевны?

– Нет больше Мариши, полгода как похоронил, – грустно ответил Петр Сергеевич, опустив седую голову.

– Вы не писали ничего.

– Тяжело было писать об этом в письме.

– Понимаю Вас, мне тоже приходилось терять близких людей. Кто же с Маришей был, ведь Вы же, наверное, работали?

– Вначале сиделку нанимал, потом ее в больницу положили. Приходилось работать на двух работах в НИИ, и вел курс в институте. Теперь вот один остался. Хочу, чтобы Вера поехала со мной. Спасибо Вам огромное, Арина Андреевна, за Веру, за все.

Арина молчала.

– Что же делать? Как мне ее убедить, что там ей будет лучше.

– Чем будет лучше? – глядя на Петра Сергеевича, грустно спросила Арина.

Петр Сергеевич удивленно вскинул глаза на Арину.

– Ну как же, после училища – институт. Жилье не надо снимать. Я ее пропишу, квартира у нас кооперативная, со временем будет ее. Я ведь уже не молод. И потом, это же Ленинград.

– Хотите внучке корни подрубить?

– Какие корни?

– Такие корни, которые у каждого человека должны быть, а если их нет – тяжело ему выживать в этой жизни.

– Поясните, пожалуйста, Арина Андреевна.

– Хорошо, поясню. Каждый человек рождается и должен жить в определенном месте, там, куда направил его Господь. Вот Вы где родились?

– В Ленинграде.

– Помните дом, улицу, двор, школу, друзей, первую любовь?

– Конечно, я и сейчас часто прохожу там. Встречаемся с друзьями, правда, их становится все меньше.

– А если взять Вас да переселить в другой город, совсем незнакомый. Приживетесь?

– Наверное, скучать буду.

– Вот и Вера так же. С шести лет она приезжала сюда, а с десяти живет постоянно. Здесь она росла, училась, огорчалась, радовалась. Все ее памяти отпечатались все тропинки, по которым она бегала летом босиком, все родники, из которых она пила воду. Ей знакомы все деревья, косогоры, запах трав. Всех в селе она знает, и ее тоже знают. У нее здесь подруги, с которыми она росла. В городе, где она будет учиться, похоронены ее родители, к которым она будет приходить в поминальные дни. И вдруг взять, оторвать ее, перенести в чужой город. Конечно, со временем она обрастет друзьями, научиться жить по городским правилам, но в глубине души будет хранить свою маленькую родину. Когда нахлынет тоска по родным местам, она попытается об этом сказать друзьям, но ее не поймут. Съездить на родину не будет времени, профессию надо получить. Потом выйдет замуж. Муж не захочет сюда ездить, на юга будет тянуть. Затем сама не сможет поехать, дети появятся. И только во сне она будет ходить по тропинкам, где выросла, пить из родников воду, вдыхать запах трав. Пройдет много лет, прежде чем она сумеет навестить родные места, где прошли ее детство и юность. В деревне ее уже никто не будет узнавать. Она не обидится на людей, ей будет достаточно пройти по тропинкам, где в детстве бегала босиком, погладить деревья, которые ее еще помнят и поплакать облегчающими душу слезами на крылечке еще сохранившегося домика. Сходит она и на погост, где с фотографий будут смотреть знакомые лица земляков. Умом она будет понимать, что не сможет жить в деревне, а душа все равно будет проситься в родные места с каждым годом все сильнее и сильнее. Вот недавно прочитала в журнале: воду и травы для лечения надо брать там, где человек родился.

– Вы что же, Арина Андреевна, хотите, чтобы Вера в деревне осталась?

– Хотела, если бы в деревне были такие же условия, что и в городе, да и такого тяжелого труда не было бы. Поэтому и уезжают лю-

ди в города. Вот от нас два километра село было, богаче и больше нашего, а сейчас одни фундаменты остались да погост.

— Я не понимаю, чего же Вы хотите для Веры?

— Мне хочется, чтобы она не уезжала далеко от родных мест. Чтобы в любое время, когда будет тяжело на душе, могла приехать сюда, набраться силы. Родные места дают огромную поддержку и организму, и душе. Пусть заканчивает училище. В городе за ней закреплена квартира. Исполнится восемнадцать лет — захочет, будет жить там. Это ведь недалеко отсюда.

— Арина Андреевна, Вы все время здесь жили?

— Да, родилась здесь.

— Откуда же у Вас такое суждение, Вы ведь никуда не выезжали?

— Родители мои всю жизнь тосковали по родным местам. Видела много людей, которые приезжали в родную деревню, говорила с ними, слезы их видела, вот и суждение отсюда.

— Мне тоже знакомо это щемящее чувство тоски. Жил за границей полгода. Когда вернулся, готов был каждого прохожего целовать.

— Вот то-то и оно.

— И что же мне делать?

— А Вы, Петр Сергеевич, если Вам не накладно будет, свозите Веру в Ленинград. Покажите свой город, расскажите о нем. Она ведь никуда не выезжала, ничего не видела. Потом спросите, захочет ли она там остаться. Если нет — не принуждайте ее. Денег на дорогу я ей дам. Купить поможет ей кое-какие вещи. Она ведь теперь студентка у нас.

— Ну что Вы, какие деньги. Я же хорошо зарабатываю, немного отложил для Веры.

— Вот и хорошо, вот и славно будет.

Долго сидели, молча пили чай. Каждый думал о своем. Арине по-женски было жалко Петра Сергеевича. Она неназойливо смотрела на него. Вдруг что-то зарябило в глазах, будто волны по воде. Потом все разгладилось, и перед глазами появилась чужая комната, в которой находились четыре человека: старик, женщина, молодой парень в морской форме и мужчина. Арина испуганно моргнула, но картинка не исчезла. Она узнала в молодой женщине Веру. Старенького Петра Сергеевича, сидящего в кресле. Мужчина, стоял спиной, и она его не разглядела, а вот моряк гладил плечи Петра Сергеевича. Петр Сергеевич поднял голову, улыбнулся и сказал: «Вася приехал». Картинка

исчезла. Арина сидела не шелохнувшись. Потом обвела взглядом во-круг и остановилась на Петре Сергеевиче, серьезно сказала:

– Правнука дождешься, Петр Сергеевич. Васей его будут звать. Моряком он будет.

Петр Сергеевич отшатнулся.

– Сына моего Васей звали.

– А это правнук будет Вася. Жди.

– Андреевна, это ты серьезно говоришь?

– Серьезней некуда, будет у тебя правнук Вася.

– Как ты это узнала?

– Сны у меня вещие, всегда сбываются. Верь мне, Сергеевич.

– Господи, неужели дождусь правнука?

– Дождешься, не сомневайся. Вот, может, ему твоя квартира и понадобится, – засмеялась Арина.

– Завтра же в Ленинград полечу.

– Зачем?

– Так правнук же Вася.

– Сергеевич, опомнись, ты что говоришь-то. Вере ведь только пятнадцатый год. Это будет не скоро.

– И правда, что это я, совсем разум потерял.

– Может, отдохнешь, полежишь?

– Нет, пойду, погуляю, на речку схожу.

– Сходи, вон там удочка есть. Полови рыбку, успокойся, сердешный. Вечером банька будет, попаришься, в себя придешь.

Проводив Петра Сергеевича, Арина вошла в дом. Обращаясь к иконам начала молиться.

– Господи, сделай так, чтобы я не сошла с ума. Что же это было? Господи, просвети меня. Неужели это правда, то, что я видела.

Но Господь смотрел строго, благословлял и молчал. Вдруг она вспомнила, что вот так же однажды она видела смерть мужа и сына.

Через неделю Петр Сергеевич вместе с Верой и Лизой улетали в Ленинград. С большим трудом удалось уговорить родителей Лизы отпустить ее с Верой, мотивируя тем, что когда еще придется увидеть ей Ленинград. Накануне вечером собрались за столом близкие люди. Пришли баба Саня с дедом Максимом, Нюся, родители Лизы – Иван с Натальей. Помогая бабе Арине, девчонки ставили угощения на стол. Тушеная курица с картошкой, котлеты, копченая и жареная рыба,

груздянка, лапшевник. Но по просьбе Петра Сергеевича, перед ним стояла отварная рассыпчатая картошка, которую он брал осторожно, посыпал крупной солью, с хрустом откусывал малосольный огурец и заедал салом с чесноком. От удовольствия он щурил глаза и прислушивался к разговору. Как всегда, первую скрипку в разговоре вела баба Саня. Она давала советы девчонкам, чтобы в Ленинграде рот не разевали, свою деревенщину не показывали и чтобы не вздумали здороваться с каждым встречным – поперечным, как когда-то здоровался их сын Колька, когда повезли его, девятилетнего, впервые в город.

– Идет по улице и здоровается со всеми подряд. Говорю ему: «Не здоровайся», а он опять здоровается. Конечно, где ему понять. У нас ведь как, в деревне, подрос немного ребенок, начинаем всем селом воспитывать, вдальбливаем ему в башку, чтоб здоровался. Он еще плохо говорит, а уже «здласти» всем подряд раздает. А уж если ученик не поздоровается, пристыдят, а через час родители узнают, еще добавят. Вот мой Колька в городе и здоровался до тех пор, пока я ему подзатыльник не дала. Объяснила, что здороваться надо только со своими людьми, а это не наши, чужие они.

– Ох, – подал голос дед Максим, – на Кольку сваливает, а сама-то...

– А что – сама? И сама тоже здоровалась. Здоровья ведь желала. Эти, городские, прости, Сергеевич, это я не про тебя, бегут с выпученными глазами, толкаются. Куда спрашивается, бегут? Ну, выйди пораньше из дома, как человек, да иди себе спокойно. Так нет же, я им «здравствуйте», а они от меня в сторону, и смотрят, как на дурочку с переулочка. А ты, Максим, помнишь, что мне сказал?

– Я тебя пожалел, чтобы ты не надорвалась, здороваясь со всеми.

– Ширнул меня в бок локтем, – продолжила баба Саня, – и говорит: «Не здоровайся с ними, и пусть они идут в те ворота, откуда весь народ».

Смех заглушил последние слова бабы Сани. Только девчонки не смеялись. Осмелев, Лиза спросила:

– А что это за ворота, баба Саня?

– Вы на кого учиться-то поступили, кем будете работать?

– Фельдшерами-акушерами будем.

– Вот вам в вашей школе и объяснят, что это за ворота, а вы еще и экзаменты про них сдавать будете, – и с серьезным видом откусив малосольный огурец, похвалила Арину: – Арин, огурцы у тебя ядре-

ные, вкусные, а у меня что-то в этот раз не получились. Наверное, соли мало дала. Один откусила, а он кислый, чуть глаза на лоб не вылезли, и шипит, как змей. Пришлось в яму закопать.

– Зачем в яму, – подала голос Наталья, – порезали бы да курам высыпали, в них ведь семечки. Куры бы склевали.

– Много ты знаешь, Наталья. После того, как я своего быка Самсона чуть на тот свет не отравила, с тех пор боюсь что-либо давать скотине.

– Вот-вот, еще про Самсона расскажи, – молвил дед Максим. – Сергеевич подумает, что в нашей деревне одни клоуны живут, а ты – самая главная из них.

– Откуда я знала, чего можно, а чего нельзя ему давать. Я же сама молодая была.

– И что же случилось? – кто-то подтолкнул ее этим вопросом к рассказу.

– А то, – начала рассказывать баба Саня. – Года два прошло, как мы отделились от родителей. Своей семьей зажили. Рады были до беспмятства. Какая-никакая скотинешка была. И среди этого хозяйства рос бык. Самсоном я его звала. Подкармливала я его, то картофельными очистками, то помойца дам, то две-три пригоршни отходов насыплю. Через полгода собирались его сдать, а на вырученные деньги купить кое-какую одежонку. Перед пасхой, как все, поставила бидон браги, или, по-нашему, кислушку. На пасху мужики приходили христосоваться, вот я им по ковшичку бражки наливала. А потом госги, то да се, за неделю вся брага кончилась и осталась на дне бидона барда, ну, такая гуща из отрубей. Вылила я ее, как раз полведерка. Вышла с ведром во двор, а тут бык. Увидел ведро – бегом ко мне. Я от него, он за мной и не пускает ведь к задней калитке. Бегали мы с ним, бегали, пока он злиться не стал. Бросила я ведро от греха подальше, да и ушла в дом. Через некоторое время выхожу за ведром, а мой Самсон лежит во весь двор, ноги вытянул, хвост на отлете и глаза закатил. У меня поджилки затряслись, мурашки по коже, и волосы дыбом на всем теле встали. На ватных ногах добежала до Семеновых, соседей наших. Тетя Таня с дядей Пашей чай пили. Увидели меня без лица, не спрашивая, выскочили из-за стола и за мной. Забежали во двор, бык лежит. Тетя Таня начала креститься.

– Дядя Паша, – говорю я, – может, его младенческая накрыла?

– Ты чего, Саня, младенческая у младенцев бывает, а тут бычище. Это какую младенческую надо, чтобы свалить такого быка.

Подошел он к Самсону, потрогал, послушал сердце и говорит: «Живой он. Чем кормила?». Говорю, что гущу из-под браги вылила. А он засмеялся.

— Пьяный он у тебя, выпится, встанет, ты ему подушку под голову положи, а проснется, не забудь похмелить, чтобы голова не болела, — сказал и ушел, а тетя Таня говорит: — Не слухай ты его, Саня. Возьми тряпку, накрой голову от солнца и поливай прохладной водичкой время от времени.

Не помню, сколько времени я его поливала. Наконец встал мой Самсон. С тряпкой на голове пошел по двору. Как мотнул башкой, чтобы тряпку сбросить, да столб у навеса сбил, крыша возьми и завалилась. Тряпка с глаз упала, он с перепугу в сарай забежал. Целый день не выходил. Я ему потом ведер шесть воды выпоила. Надорвалась воду таскать. Вечером пришел Максим с работы, еще и подкусил меня. Все село уже знало об этом случае. «Что, говорит, Сашенька, так младенческая Самсона накрыла, что он навес башкой снес?»

— С тех пор боялась я быка. Выйду во двор, а он встанет, ноги растопырит, голову согнет, и глаза на меня выпучит. Я ему кукиш покажу. Вот тебе пойлища, паразит такой. Так напугал, что самую чуть младенческая не накрыла.

Хохотали все так, что звенела посуда на столе. Только все успокоились, подала голос Наталья:

— А моя мамка курей вот так же накормила вишней от настойки. Выбросила курам, они наклевались пьяных ягод и полегли все. Вышла мамка во двор, а куры лежат. Она взяла и ощипала их, чтобы хоть перо не пропало, а курей на навозной куче соломой прикрыла. А вечером глянула, а по двору облепленные соломой, как ежики, куры ходят. Она их в сарае потом держала, пока перья не отросли. Даже петух не кукарекал. Наверное, стыдно ему было, он же голый.

Снова грянул смех. Петр Сергеевич, вытирая слезы, выступившие от смеха, проговорил:

— Я так смеялся только в детстве.

Не моргнув глазом, баба Саня сказала:

— А мы каждый день так смеемся. Оставайся, Сергеевич, у нас, вместе смеяться будем. И уже собралась еще что-то рассказывать, но дед Максим ее остановил:

— Будя врать-то, что кажный день смеемся. Бывает, так жизнь завернет, что не до смеха. Запевай Нюся, а то Саню не переслушать.

– Дед Максим, запевать-то какую?

– От края вторую, – влезла опять баба Саня.

Поправив руками волосы, глядя на девчонок, Нюся запела грудным голосом:

– *Ой, при лужку, при лужку...*

Высоким чистым голосом подхватила песню Наталья.

– *При широком поле...*

Грянули мужские голоса:

При знакомом табуне

Конь гулял на воле.

Полилась песня. Пели все, и девчонки подтягивали, стараясь не испортить песню. Петр Сергеевич почувствовал, как от восторга тело его покрывается мурашками. Он стал осознавать, что эти простые, чистые душой люди, надежные во всем, не потерявшие душу в этой нелегкой деревенской жизни, имеют огромную жизненную силу. Эти люди помогли избавиться от боли, которая уже много дней не давала ему дышать. Они понимали и принимали его таким, какой он есть, без городского налета. И он тоже запел с ними, ощущая, как душа наполняется энергией, желанием жить, быть нужным кому-то. Он был благодарен судьбе за то, что свела его с этими людьми.

Девчонки впервые летели самолетом. Все для них было в диковинку. И если Вера осторожно осматривалась, то Лиза с откровенным любопытством оглядывала все вокруг себя. Самолет шел на посадку, и Вера непроизвольно схватила деда за руку. Петр Сергеевич осторожно накрыл своей рукой и пожал ее небольшую ладошку. В душе поднялась огромная волна нежности и ощущение, что вот этот единственный родной человек нуждается в его помощи и защите.

Добравшись до квартиры и предложив ополоснуться в душе, Петр Сергеевич ушел в магазин за продуктами.

– Вер, а зачем душ, мы же вчера в бане купались.

– Не хочешь, не ходи.

– Нет, пойду, интересно все же, как это у них в городе моются.

Пока Лиза принимала душ, Вера подошла к полкам с книгами. Книги занимали всю стену до потолка. Она влезла на стремянку и принялась их рассматривать, но ни одна книга ей не была знакома.

– Вера, красота-то какая, вода и холодная, и горячая, лей, сколько хочешь.

Вернулся Петр Сергеевич. Втроем они приготовили обед, с аппетитом поели.

– Ну что, отдохнете или пойдем погуляем?

– Конечно, гулять пойдем, – хором ответили девчонки.

И началось знакомство с городом. Каждое утро они втроем уходили в город, как на работу, и возвращались вечером уставшие, но довольные. Яркими картинками отложилось все, что они увидели в этом прекрасном городе: Эрмитаж с красивыми залами и полотнами картин, скульптурные композиции, фонтаны, и театр, и ажурные мосты через реку, и белые ночи, к которым они никак не могли привыкнуть. Две недели пролетели как один день. Оставалось сделать покупки, и пора было возвращаться домой. Лиза осторожно обратилась к Петру Сергеевичу:

– Петр Сергеевич, а когда мы по магазинам пойдем, а то я все деньги потрачу на мороженое и пирожное. Меня мамка убьет.

– Завтра и пойдем, только список составьте, что вам необходимо купить.

– Да есть у нас списки.

– Давайте сюда, я посмотрю.

Пробежав глазами по листкам, он спросил:

– Вера, какую шляпу и кому?

– Дед Максим дал деньги, просил купить шляпу, как у тебя, дед.

– Купим мы ему шляпу, – засмеялся Петр Сергеевич.

Хождение по магазинам, длинные очереди наконец-то закончились. Купить удалось все, что было задумано. Уставшие, но довольные, обвешанные свертками, к вечеру они вернулись домой. Немного отдохнув и перекусив, девчонки принялись примерять обновки, заставляя оценивать Петра Сергеевича. Ему никогда не приходилось видеть такую непосредственную открытость. Он сдерживал улыбку, чтобы не спугнуть их радость, и сам молодец душой. Оказывается, как хорошо видеть радость других. В новых платьях, в модельных туфельках девчонки крутились перед зеркалом. Петр Сергеевич произвольно их сравнивал. Лиза была крупноватая для своих лет и платье с яркими большими цветами и новая прическа «Бабетта» делали ее взрослой. Вера, в сравнении с ней, выглядела не такой яркой, но глаз цепляла. Белое в синий горошек платье, перехваченное тонким пояском, подчеркивало ее хрупкость. Волосы, затянутые в узел, оттягивали голову назад, а глаза искрились радостью.

– Дед, посмотри, платье-то солнце-клеш. – И начала быстро кружиться на месте в туфельках на шпильках. Подол платья расправился, и Вера стала похожа на куклу. Наконец успокоившись, она села рядом с ним на диван, чтобы отдышаться. Петр Сергеевич улыбнулся, посмотрел на нее и вдруг увидел, как на внучкином лице проступили черты его сына Васи. Он осторожно прижал к себе ее голову и поцеловал в макушку. Потом прошел в свой кабинет и вынес свертки.

– Это передадите подарки от меня. А это вам, – подал он им две небольшие коробочки. – Это духи Шанель № 5. Я думаю, вам понравится.

Он увидел такой восторг в их глазах, что не выдержал и засмеялся. Девчонки с возгласами и поцелуями бросились к Петру Сергеевичу.

– Вера, может, останешься? – робко спросил Петр Сергеевич.

– Дед, ты еще молодой, а бабушка старенькая, больная. Как я ее оставлю одну?

Не могла она ему сказать, что должна дожидаться Лешку. Ведь еще ничего не известно, и еще она должна посадить черемуху на речке, как у всех. Она подошла к деду, обняла его за плечи.

– Я тебе часто писать буду о своих делах, а ты к нам каждое лето приезжай, ладно? Мы тебя будем ждать.

– Постараюсь, – грустно ответил Петр Сергеевич.

Накануне отъезда Вера с Лизой сделали генеральную уборку в квартире. Перестирали, перегладили все белье. Навели порядок во всех шкафах. Блестели стекла, свежестью отдавало от штор. На столе был приготовлен праздничный ужин. Петр Сергеевич ходил из комнаты в комнату, наблюдая за суетой девчонок, помогая в очередной раз застегнуть чемоданы и сумки.

С вечера легли пораньше, чтобы хорошо выспаться перед полетом. Вера с Лизой спали вдвоем на широкой кровати. Уже к утру, Вера почувствовала удар и боль в ноге. Проснувшись, она встала, отодвинула штору на окне и увидела на ноге царапину. Ничего не понимая, посмотрела на кровать, и от смеха упала в кресло.

– Ну, Лизавета, зараза, чего удумала.

Лиза лежала на кровати в ночной рубашке, с прической «Бабетта» на голове, с сережками в ушах, а на ногах у нее были туфли на шпильках.

– Лиз, а Лиз, проснись, – хохотала Вера, зажав ладошкой рот, чтобы не разбудить деда.

– Что, уже пора? – глядя на смеющуюся Веру, ничего не понимая, спросила Лиза.

Вера рукой показала на туфли. Лиза перевела взгляд на свои ноги.

– Кто это мне туфли надел?

– Ты в зеркало посмотри на себя.

Увидев себя в зеркале, Лиза вспомнила и засмеялась.

– Я вчера, когда ты уснула, еще раз решила примерить обновки, а потом думаю, полежу немного в них и сниму. Легла и заснула.

Отдышавшись от смеха, они вдвоем стали снова упаковывать чемодан и услышали стук в дверь.

– Верочка, Лиза, пора вставать.

В аэропорту Петр Сергеевич передал сверток со словами:

– Вера, внучка, здесь деньги, передай их Арине Андреевне. Она знает, как распорядиться.

– Дед, ты и так мне все купил. Я же пенсию получаю.

– Ты девушка, тебе много чего надо, да и за квартиру придется платить. Пенсия само собой, а это от меня. Учись, старайся, береги себя. Будь достойна своих родителей, – обнимая и целуя Веру, проговорил Петр Сергеевич. – К Новому году я еще вышлю денег. Пусть Арина Андреевна не волнуется.

Только когда самолет набрал высоту, Петр Сергеевич бодрым шагом зашагал к стоянке такси. В голове у него было много планов, которые он должен претворить в жизнь ради одной цели – дожждаться правнука Васю.

Все провожавшие девчонок в Ленинград снова собрались у Миловановых. Лизин отец, Иван, вносил чемоданы, сумки со словами:

– Вы там что, весь Ленинград закупили?

– Нет, не весь. Мы только заказы выполнили и перевыполнили.

– Вроде бы, как и не наши девки, с ногтями покрашенными, – не выдержала баба Саня. – Лизавета, это че у тебя на башке-то, вроде как вторая голова?

– Не понимаете вы ничего, баба Саня. Это модная прическа такая, «Бабеттой» называется.

– Прямо что «Бабетта», – удивленно рассматривала баба Саня Лизу. – Верухе такую «Бабетту» не удержать, сил не хватит, шея сломается. Ох, чует мое сердце, Лизавету мы раньше замуж отдадим.

– Да Вы что, баба Саня, – не выдержала Наталья, – ей учиться надо и пусть голову не занимает ерундой. Сейчас же разворотил свою «Бабетту», а не то я помогу.

Лиза нехотя расчесала волосы.

– Что ты, Наталья, всколыхнулась. Знаешь, как раньше замуж выдавали? Бросит отец шапку в девку, если девка устояла – пора ее замуж отдавать.

– Хоть бы не врала, – не выдержал дед Максим. – Себя-то вспомни. С десяти лет с мальчишками дралась так, что ни один не мог с тобой сладить, не говоря уже о шапке. И что же, надо было тебя в десять лет замуж выдавать, что ли?

– Нельзя и пошутковать, сразу цепляешься.

Вера стояла рядом с Ариной, обнимала, целовала ее и гладила по голове.

– А мы вам подарки от Петра Сергеевича привезли, – доложила Лиза.

– Вы, наверное, Сергеевича укатали. Он теперь после вас неделю будет отлеживаться, – продолжала дразнить девчонок баба Саня.

– Прямо, укатали, скажете тоже. Он нас приглашал еще в гости, – ответила Лиза.

– Тебе хватит и одного раза. Приехала на себя не похожая, – заметила Наталья Лизе.

Лиза наклонилась над своим чемоданом, начала доставать обновки. Красивую рубашку с галстуком, зимнюю шапку подала отцу.

– А это от Петра Сергеевича, – протянула она пушистый, в красную клетку шарф и кожаные перчатки.

– Мам, тебе вот кофта теплая, сапожки зимние, а это отрез на платье передал Петр Сергеевич. Я тебе сережки и бусы купила к нему.

Наталья засмушалась, а когда развернула бумагу, увидела зеленую, как весенняя трава, ткань с белыми ромашками по полю. Довольная, она засмеялась.

– Батюшки мои, дорогая, наверное, ткань-то?

– Петр Сергеевич сказал, что это за песни, что Вы пели.

Дед Максим заерзал на стуле, когда Лиза обратилась к нему.

– Дед, тебе вот теплая рубашка, жилетка, а шляпу и перчатки тебе в подарок. – Лиза подошла и надела ему шляпу на голову. – Вот еще, всем женщинам купил он какие-то гамашки. Сказал, что зимой пригодятся.

– Знаю я, что это за гамаша, – подала голос Наталья. – Ленке Пичугиной из Москвы прислали. Удобно в них зимой и не холодно.

Сумку со своими обновками Лиза отодвинула в сторону.

Теплые байковые в цветах халаты Вера подала бабе Арине и бабе Сане. Комнатные тапочки поставила к их ногам. Пока они примеряли, она достала и развернула две кашемировые, красивые, с кистями шали, и, не успели обе ахнуть от такой красоты, как она накинула им на плечи.

– Это вам от деда.

– Родимица, золотаяюшка ты наша, я ведь в жизни такой шали не носила, – сквозь слезы проговорила баба Саня.

– Запричитала, – одернул ее дед Максим.

– А ты молчи, сидишь в шляпе и перчатках, как чирей на одном месте, и сиди себе знай, – сердито проговорила баба Саня.

Арина же гладила рукой шаль, теребила кисти и повторяла:

– Спасибо большое, дай Бог ему здоровья.

– Тетя Нюся, это Толику. – Вера протянула теплый свитер, брюки и зимние ботинки.

– Господи, Вера, я же не давала денег, у меня их и нет.

– Я сэкономила, вот и купила. А это вам от деда, как и тете Наташе, за песни. – Вера сама развернула ткань и набросила ей на плечи. По белому шелковому полю были рассыпаны красные маки.

– Вот вам бусы, – подала она низку красных стеклянных бус и такие же, капельками, сережки.

Закрыв лицо натруженными руками, Нюся вначале застонала, а потом заплакала в голос. Слезы катились сквозь пальцы на белую, в маках, ткань. Все понимали, что эта, в общем-то еще молодая женщина мало видела хорошего в жизни. Тяжелый труд доярки да дома муж-пьяница. Единственная радость – два сына. Понимали ее, жалели и прощали ей эти слезы.

– Не плачь, Нюська, все они паразиты! – не выдержала баба Саня.

Дед Максим закричал, но промолчал.

– Вы вот лучше с Натальей придумайте фасон платьев к таким красивым отрезам, – желая отвлечь Нюсю, проговорила баба Саня.

Девчонки поставили греться чайник. На столе появились конфеты, печенье, бублики, но бабу Саню было не провести.

– Значит, наше все посмотрели, а свое спрятали, две хитруньи. А ну-ка, показывайте, чего себе накупили.

Пришлось девчонкам все примерять.

– Прямо, на городских стали похожи, настоящие студентки, – одобрили все, только баба Саня заметила:

– А тебе, Веруня, надо в карманы камней насыпать.

– Зачем это? – не поняла Вера подвоха.

– Чтобы тебя ветром не унесло, такую худенькую. Ешь больше, а то, ей-Богу, унесет.

Вера засмеялась.

– Не унесет, я за что-нибудь зацеплюсь.

Долго сидели, пили чай и слушали рассказ о далеком городе Ленинграде. Вера выгадила книгу, подаренную дедом, где были изображены достопримечательности города. Показывала места, где они побывали. Дойдя до страницы, где была изображена скульптура Самсона, раздирающего пасть льва, Вера проговорила:

– А это Самсон. – И, не успела объяснить дальше, так как книга оказалась в руках у бабы Сани.

– Это же мужик, да еще нагишом.

– Баба Саня, зовут его Самсоном.

– И че это он делает?

– Раздирает пасть льву, – пояснила Вера.

– Зачем?

– Чтобы показать, что он такой сильный.

– Обязательно надо животное мучить, рот ему драть?

– Дед рассказывал, что, когда Россия одержала победу над шведами, царь велел скульптору изобразить эту победу.

– А я так скажу. Силу надо на хорошем деле показывать. Шел бы к нам в кузню да махал молотом, все польза была бы. Такой здоровый, разделся догола – бесстыдник. Мы вот с Максимом в город на базар ездили, в одном месте видели статую – девку с лопатой. Так на этой девке хоть майка с трусами были. Я подумала тогда: «Такая здоровая, красивая, ей бы, дурехе, детей рожать, а она и днем, и ночью с этой лопатой стоит».

– Баба Саня, это же женщина с веслом. Она олицетворяет спортсменку.

– Мне все равно, кто она, но понравилась больше, чем вст этот бугай. Правда что на нашего быка Самсона похож, и даже смотрит так же.

Насмеявшись вволю, все стали расходиться по домам.

В конце августа, подыскав жилье, Иван увез девчонок на учебу. Все понравилось им на новом месте. И большой дом, и фруктовый сад с пасекой, и доброжелательные хозяева. Хозяин дома, Сергей Михайлович, сразу предложил отведать медку с чаем. Потом долго водил по саду, рассказывал о сортах деревьев, о пчелах. Светлана Владимировна, или, как ее называл муж, Светла, наоборот, была немногословна. Худенькая, с болезненным лицом и грустными глазами, она внимательно выслушивала девчонок.

Весь сентябрь Вера с Лизой ездили со своей группой на уборку овощей. Приезжали домой грязные, уставшие, но всегда ждала их горячая вода и вкусная еда. Встречала их Светлана Владимировна сочувствующим взглядом, без лишних слов собирала на стол и, чтобы не смущать своим присутствием, уходила в свою комнату. Сергей Михайлович, наоборот, если заставал их на кухне, садился с ними пить чай, расспрашивал обо всем, пока не приходила на помощь Светла.

– Сережа, девочки устали, дай им отдохнуть.

Сергей Михайлович извинялся и уходил в сад.

Закончилась уборка овощей в конце сентября, и Вера с Лизой приступили к занятиям. Однажды поздно вечером, собираясь ложиться спать, к ним в комнату постучался Сергей Михайлович.

– Девочки, вы еще не спите?

– Нет, а что случилось? – открывая дверь, спросила Вера.

– У Светлы приступ, а соседка, которая делала уколы, уехала к детям. Шприц я прокипятил, расскажу, как укол делать. Сам я не могу.

– Вер, я боюсь, нас ведь еще не учили делать уколы, – прошептала Лиза.

Накинув халатик, Вера прошла в зал, где на диване, поджав ноги, с бледным лицом лежала Светла. Под руководством Сергея Михайловича Вера сделала укол, дождалась, когда она уснет, и вышла на кухню.

– Сергей Михайлович, что это за приступы?

– Не знаю.

– Что врачи говорят?

– Ничего не признают. Уже много лет мучается. В больнице лежала и никаких изменений. Один врач сказал, чтобы искали бабу-лекарку. А где ее найдешь?

– Послушайте, Сергей Михайлович, моя бабушка всю деревню лечит. К ней даже тайком врачи обращались. Может, свозим Светла-

ну Владимировну к ней? Только вот дорога к нам не гладкая, а трястись в автобусе ей нельзя. Машину бы нанять, да увезти ее к нам в деревню.

– Вера, у нас машина своя есть.

В субботу, после занятий, прихватив с собой Лизу, повезли Светлану Владимировну на лечение к бабе Арине. Арина обрадовалась приезду внучки, которая в свою очередь познакомилась со своими хозяевами и объяснила причину их приезда. Собирая на стол угощения, Арина внимательно рассматривала Светлану. После обеда Лиза увела Сергея Михайловича к своим родителям. Уложив Светлану на диван, Вера с бабой Ариной расположились рядом. Как всегда, внимательно следила Вера за движениями рук бабы Арины, запоминала вопросы, которые она задавала. Не спеша, бабушка водила руками от головы до ног, задерживаясь несколько раз на животе Светлы. Вере все это было знакомо. Она спрашивала бабушку, зачем она это делает и что это значит? Но баба Арина ничего не объясняла или не могла объяснить. Наконец велела Вере затопить баню, а Светлане Владимировне сказала:

– Женская у Вас болезнь, от этого и почки не совсем в порядке. Попробуем Вас вылечить.

– Арина Андреевна, не зовите меня по отчеству. Светлана я для Вас.

– Светлая, значит. Это хорошо, а детей вот нет – это плохо.

– Плохо, – эхом отозвалась Светлана.

– Придется Вам пожить у меня с месяц. Пить настои из трав будете. А лечить я Вас буду в бане. Вот Вам носки шерстяные, надевайте прямо на голые ноги. Женщина должна быть всегда в тепле. Даже руки в холоде нельзя долго держать. Так уж мы устроены.

Разложив на столе холщовые мешочки с травами, она начала что-то искать.

– Как там у Вас моя внучка?

– Арина Андреевна, внучка у Вас молодец. Чистюля. Мне помогает. Хорошо Вы ее воспитали.

– Особо я ее не воспитывала, сама как-то воспиталась.

Насыпав травы в стакан, Арина залила кипятком и укутала полотенцем.

– Спать Вы будете вот на этом диване, на перине. Если не привыкли на перине, придется привыкать, а чтобы Вы не стеснялись, Вера повесит Вам занавес. Пойду, посмотрю, как там баня топится.

Арина вышла, а Светлана Владимировна не спеша осмотрелась вокруг. Ничего лишнего: диван, посредине комнаты стоял круглый стол, в простенке между окон этажерка с книгами, комнатные цветы, белоснежные занавески на окнах. На стенах в рамках фотографии. Через дверь одной пригородки виднелись две кровати, сундук, в углу иконы. Из другой пригородки виднелась посуда. У входа стояла русская печь с пристроенной к ней «голландкой». Светлану потянуло на сон. Она облокотилась на руку и начала дремать, но стукнула дверь, и вошла Арина, предложив выпить ей настой. Настойка была терпкой и горчила.

– Теперь пойдем, голубка, в баню. Сердечко жару переносит?

– Не жалуюсь. У моих родителей тоже баня есть.

Когда через некоторое время Вера вошла в баню, Светлана Владимировна распаренная лежала на полке.

– Иди сюда, Вера, – позвала ее баба Арина. – Погрей руки в теплой воде. Положи Светлане на живот. Так, хорошо.

Накрыв своими руками Верины руки, баба Арина повела их по животу.

– Чувствуешь?

– Да.

– Осторожно, нежно ведем сюда. Вот так. Отпускаем. Еще раз.

Проделав несколько осторожных движений, Арина опустила на стул.

– Ополосни ее и отведи в дом, уложи на диван без резких движений.

Когда Арина с Верой вошли в дом, Светлана крепко спала на высокой перине. Отгородив занавесом диван, чтобы не мешал свет, Вера с бабушкой еще долго сидели, разговаривали, читали письма от деда из Ленинграда и Алешкины из Севастополя, где он в морфлоте проходил службу.

Через месяц Светлана Владимировна вернулась домой, посвежевшая, с блеском в глазах. Два месяца она пила настой из трав, а еще через два забеременела. Сергей Михайлович был на седьмом небе от счастья. А Светлана, обнимая и целуя Веру, твердила:

– У меня будет малыш. Господи, какое счастье!.. Верочка, как мне отблагодарить Арину Андреевну?

– Бабушка никогда ничего не берет за лечение.

– Почему?

– Она говорит, что, если что-то дается даром, надо даром и отдавать.

– Ничего не понимаю. Что даром дается?

– Я тоже не знаю.

Наступил май, цвели сады. Возвращаясь из училища, во дворе девушки слышали красивую мелодию. Осторожно они вошли в дом и увидели: в зале на диване сидела Светлана и играла на аккордеоне.

– Светлана Владимировна, Вам нельзя поднимать тяжести! – воскликнула Вера.

– Я не поднимала. Это Сергей Михайлович утром поставил, по моей просьбе, инструмент на стул, а я его стянула на колени и вот играю. Я ведь в музыкальном училище преподавала по классу аккордеона. Вот соскучилась, начала все вспоминать.

Она еще долго играла. Девчонки сидели как замороженные, слушали незнакомые мелодии и необычное звучание инструмента.

– Светлана Владимировна, а мне можно научиться играть на аккордеоне? – обратилась к ней Вера.

– Верочка, любой человек может научиться играть, было бы желание, а еще лучше, если есть музыкальный слух и талант, тогда это происходит быстрее. Давай я тебя проверю.

Через некоторое время Светлана сказала:

– Вера, у тебя идеальный музыкальный слух, ты ни одной ошибки не сделала. Будем заниматься. Лиза, а ты не желаешь?

– Да зачем мне этот аккордеон?

– Как зачем? В жизни пригодиться. Появятся детки свои, научишь их.

Лиза согласилась, но терпения ей хватило только на несколько занятий.

– Больше не могу. Мозги гудят от этого аккордеона.

Вера же упорно занималась музыкой. Чтобы не мешать, уходила в дальнюю комнату и играла на аккордеоне. Летом приехал Петр Сергеевич и, узнав о том, что внучка учится играть на аккордеоне, довольный, засмеялся, поехал в город и купил ей инструмент.

Перед Новым годом Светлана Владимировна родила дочку Машеньку. Счастье и радость поселились в доме. Помогали Светле все. Девчонки гуляли с Машенькой, давая передохнуть Светлане Владимировне. Сергей Михайлович заготавливал продукты, гладил белье. Каждый раз, подходя к кровати, он всех убеждал в том, что Машенька похожа на него и чуть-чуть на Светлу. С ним никто не спорил, потому что удивительным образом, но Маша улыбалась только ему.

После третьего курса, проведив деда в Ленинград, Вера, как всегда, готовила бабу Арину к долгой зиме: убирала, стирала, белила внутри и снаружи дом, спускала в подпол урожай с огорода. Вечерами с Лизой бегали в клуб на танцы. Все лето из соседнего села Серебрянки приезжал на мотоцикле Сашка Белов, парень, с которым встречалась Лиза. Был он здоровым, высоким, и рядом с ним пышнотелая Лиза казалась хрупкой. Учился он в сельхозтехникуме на агронома в том же городе, где учились девчонки. Баба Саня не могла оставить без внимания это событие и при удобном случае завела разговор:

– Видела я, Лизавета, твоего ухажера. Ничего, хороший парень, уважительный такой, со мной поздоровкался. Это чей же он будет, из какой семьи, кто его родители? Я вроде в Серебрянке всех знаю.

– Когда это Вы успели с ним встретиться? – поинтересовалась Лиза.

– Да случайно, пошла к Шустиковым, а он у них во дворе со своей мотоциклеткой возился, потом как распрямился, у меня душенька в пятки ушла. Где ж ты его такого здорового нашла?

– Баба Саня, вот не верю я, что Вы к Шустиковым по делам ходили.

– Ну, не по делам. И что? Просто хотела получше твоего жениха рассмотреть.

– Рассмотрели?

– Рассмотрела, да с перепугу первая с ним поздоровалась. Так чьих он будет-то?

– Беловых.

– Знаю я Беловых. Хорошая семья, работающая, и деды у них в почете были. Твои-то мать с отцом что говорят?

– Молчат они.

– А чего тут скажешь? Кулаки-то у него как две кувалды. Уж лучше молчать.

Вера не выдержала, засмеялась.

– Баба Саня, он хороший, добрый, и Лизу любит.

– Дай Бог, Лизонька, тебе счастья. А ты что же, Вера?

– Ей некогда с ребятами встречаться, – съязвила Лиза, – она у нас вечерами музыкой занимается.

– Музыка – это хорошо, – не поддержала баба Саня Лизу. – Правильно Сергеевич сказал: чем больше человек чему-нибудь хорошему научится, тем интереснее ему жить. Слыхала я, Вера, как ты играешь. Прямо за душу берет, и жить хочется как-то по-другому. Я вот, может, к чему-нибудь способная была в детстве, а кто меня об этом спрашивал и где было учиться в наше время? С голоду чуть не умерла. У людей работала за кусок хлеба. Родителей не было, у тетки жила. Потом замуж вышла, дети пошли. Хорошо хоть Максим меня не обижал. Но вот бывают такие моменты в жизни, душа занует, заболит. Вроде правильно моя жизнь идет, а чего ж душа-то ноет? Вот тогда запою песню, иногда и поплачу. Легче становится дышать и опять в каждодневной суете жизнь побежала.

– Ну чего вы, баба Саня, загрустили, Вы ведь всегда у нас веселая бываете, – пожалела ее Вера.

– Оттого всегда веселая, чтобы не сдохнуть от нашей беспроблемной жизни, от тяжелого физического труда. Вот этими руками сколько я всего переделала: и навоз вычищала, и коров на ферме доила, и глину тяжелую таскала, чтобы фермы мазать, и еще много чего пришлось делать, а богатой не стала. Стыд головушке, гамаши не могу себе купить, не то что-нибудь еще. Вот и остается только шутить. Люди смеются над шутками, и мне тоже весело становится. Я вот смотрю на вас, на моих глазах вы выросли. Знаю вас как облупленных. Хотелось бы мне, чтобы вы не знали такого тяжелого труда. Ведь в деревнях бабы раньше положенного времени изнашиваются. Хочу, чтобы вы счастливыми были.

Прислушиваясь к разговору, подошла Арина, присела рядом с Верой.

– Вот ты, Лизавета, счастлива? – продолжала баба Саня.

– Конечно.

– И что же такого счастливого в твоей жизни?

– Скоро диплом получу, буду работать. Еще вот, что Сашка за мной ухаживает.

– Мозги у тебя куриные, и счастье такое же.

– Почему?

– Саня, будет тебе, у молодых свое счастье, – заступилась за Лизу баба Арина.

– Вот у нас с Ариной нет дипломов, и дед Максим за мной не ухаживает. А чтоб ты знала, что парень ухаживает за девкой до венца, а жена за мужем до конца. И что же ты думаешь, у нас и счастья нет? Верунька, а что ты скажешь?

– Баба Саня, я не знаю, что такое счастье, но хочу, чтобы никогда не было войны и военных. Мне нравится наша страна, такая огромная. Мне хотелось бы поступить в институт. Хочу, чтобы не болела бабушка и чтобы они с дедушкой долго, долго жили. Мне бывает хорошо, когда мы вместе собираемся на праздники – поем песни, разговариваем, смеемся. Если все это будет, я, наверное, буду счастлива. А вообще, я не знаю, может, и еще что-то появится в моей жизни, что я буду считать счастьем.

– Ну и сказанула, Веруха, прямо как с трибуны, и ведь все правильно. Вот у нас с Ариной с годами тоже появилось счастье.

– Какое?

– Да вы, внуки наши! Смотрю на своих, и душа замирает, как я их люблю. Никогда такого счастья не испытывала. Арин, правильно я говорю?

– Правильно, Саня, правильно. Внуки, наверное, последнее наше счастье в жизни.

– Бабуль, ну почему последнее? У вас еще появится какое-нибудь счастье.

– Девки, я чего хотела у вас спросить, – снова заговорила баба Саня. – Вы, случаем, не знаете, кто вчерась ночью у Иванихи огурцы с огорода смел?

– Нет, – в один голос сказали Вера с Лизой.

Баба Саня прищурила глаза.

– Мы вот тоже не знали, когда нас ребята по молодости вечерами угощали огурцами с чужих огородов. Стервецы, ведь ни одного ни оставили, ладно, хоть плети не потоптали, и как только в такой темноте умудрились.

– Почему в темноте, вчера луна была, – пояснила Лиза и замолчала, поняв, что проговорила.

Баба Саня сделала вид, что не расслышала, продолжала:

– Нарастут, конечно, еще, но ведь ни одного не оставили. А Иваниха сама виновата. Орет на молодежь, что ей спать не дают, ко-

гда мимо ее двора проходят. Забыла, когда сама молодая была, на всю деревню частушки орала, нечем было ей рот заткнуть. Голос у нее визгливый был. Замуж вышла и визжать перестала, успокоилась. Детей нарожала, не до визга стало, никак не выспится. Молодежь ей помешала. Молодежи-то стало мало, скоро по улице некому будет ходить. А раньше с гармошкой рядов шесть, семь ходили. Весело было, помнишь, Арина?

– Помню, Саня, – вздохнула Арина.

Баба Саня пристально посмотрела на Веру.

– Вот смотрю я на тебя, Веруха, уж больно ты красивая стала, аж страшно. И красота какая-то не деревенская. Когда это ты успела так покрасиветь? Вот ведь ни в чем изъяна нету, хоть картину рисуй. Глаза какие-то ведьмачие стали. От такой красоты любой парень одуреет.

Вера засмеялась.

– Придумаете же Вы, баба Саня, глаза ведьмачие, разве такие бывают?

– А чего тут придумывать, когда и так видно. Ребята ошалели от тебя. Андрюха Панов, председательский сынок, люди говорят, вьюном вокруг тебя вьется, а ты чего кочевряжишься? Хороший же парень, в институте учится, семья у них хорошая. Я ведь и дедов, и бабок его знаю. Уважали их на селе.

– Все-то Вы знаете, баба Саня.

– Чего тут знать-то, в деревне все на виду. Не дури, девка, довыбираешься. За выборки дает Бог вытряски.

– Баба Саня, я подумаю, а пока еще учиться и госэкзамены надо сдать.

– Экзамены твои никуда не уйдут, а счастье может к тебе спиной повернуться. Вон Тонька Деева дружила с вашим Лешкой, а потом «хи-хи, ха-ха», раз и выскочила замуж за другого и ускакала в город. Значит, судьба у нее не с Лешкой быть. А ему что, парень он и есть парень, придет с армии, а тут молоденькие девчонки подросли. Видела я, когда ваш моряк в отпуск приезжал. Все девки переполошились, дорогу возле вашего дома протоптали.

Баба Саня помолчала какое-то время, потом посмотрела на девчат, сказала, смеясь:

– Девки, а я замуж в бане вышла.

– Как это в бане? – удивленно спросила Вера.

Арина, прикрыв рот уголком платка, а глаза ее смеялись. Она встала и со словами:

– Пойду, чайник поставлю... – прошла на кухню.

– Баба Саня, жить, что ли, негде было?

– Да причем здесь жить негде было? Было, где жить. Сестра у Максима была уж больно ушлая. Первая заводила на селе. Всегда что-нибудь придумает такое, что потом вся деревня животы от смеха надрывает. И ведь молодежь ее слухалась и никогда ее не выдавала. Однажды на посиделках на масленицу подговорила ребят, чтобы они из конюшни сани-розвальни вытащили и на гору закатали. Ну, все, кто уместился, и кучей-малой уселись на эти сани, подняли оглобли и поехали с горы. Как так получилось, никто не понял, только со всего маху въехали эти сани в баню дяди Митьки и смели ее начисто. Встали, отряхнулись от глины, утащили сани в конюшню и разошлись по домам. Ночью выпал снег и присыпал все следы. Дядя Митяй утром встал, глянул в окно – нет бани. Выскочил на улицу, осмотрелся вокруг: вчера была баня, сегодня нет ее. Снова вошел в избу, перекрестился, оделся и пошел в Совет. Проходя мимо конюшни, услышал, как матерится конюх. Заглянул к нему и увидел: стоят сани, все в глине. Понял он все. К обеду председатель собрал всю молодежь и сказал:

– Крайних искать не буду, но чтоб по теплу Митрию и Ульяне баню построили, а мыться они в субботу будут у каждого по очереди. Очередь начнется с Марковой Капитолины.

Это так звали сестру Максима. Нечего сказать, построили Митяю баню. Парни-то все здоровые были. Что для них эта баня – смех. Девки вымазали, побелили честь честью. Правда, через дня два появился на крыше у бани вырезанный из дерева петух, ну точно вылитый Митяй. Он его не стал снимать, только смеялся, когда петух почернел от дыма. Вот такая язва эта Капка была в молодости. Однажды сидим на посиделках, вяжем, вышиваем, песни поем. Капитолина говорит:

– Девки, так хочется на вечерках погулять, замуж из вас никто не собирается?

Все промолчали, а она опять за свое.

– Вы как хотите, а я все равно через месяц буду на вечерках гулять.

Кто-то спросил ее:

– На своих, что ли?

– Нет, говорит, мне еще рано, погожу немного.

И что вы думаете, были вечерки, и свадьба была, только моя, — засмеялась баба Саня.

— Как это, Ваша свадьба? — не выдержала Лиза.

— Я же говорю, Капка-зараза меня замуж за своего брата отдала. Дружили мы с Максимом года три. Стеснительный он был, да и я не смела ему намекать, бедная была, у тетки жила. Вот так и ходили бы еще, не знаю сколько, если бы не Капа. Суббота была, у всех бани топились. Днем встретила меня Капа и говорит:

— Приходи к нам в баню мыться, я тебя буду ждать, вместе помоемся, поговорим.

Я с ней дружна была и ничего не заподозрила. Вечером, когда родители перемылись, она говорит:

— Пойдем и мы.

В предбаннике разделись, зашли в баню. Капка начала воду наливать в тазы. Махнула рукой, лампа возьми и потухни. Почиркала спичками и говорит:

— Отсырели, пойду новый коробок принесу, а то как в темноте мыться будем?.. — и ушла.

Через некоторое время скрипнула дверь и кто-то вошел. Я спрашиваю:

— Капа, принесла, что ли, спички, зажигай быстрее лампу, боюсь я темноты.

А этот кто-то как начал стучать в дверь, а открыть не может. Я кричу: «Ты кто?», а он молчит. Я начала плакать.

И вдруг голос Максима говорит:

— Саша, меня Капка обманула, сказала, иди быстрее мойся, там Мишка сосед, ну я и пошел, а тут ты. Капка, стерва, подперла колом дверь, мне не открыть. Не бойся ты меня, я ничего плохого тебе не сделаю.

— Только попробуй, подойди, кипятком ошпарю, — расхрабрилась я. А сама сижу с пустым ковшом в руках. Сидела я так сидела, и стало мне так обидно, что я начала плакать все громче и громче. Плачу и причитаю:

— Господи, за что мне такое наказание? Нет у меня матери, и отца нет, некому защитить. Вся деревня завтра будет надо мной потешаться, что я с парнями в бане моюсь. Как людям в глаза смотреть буду? Родители твои что про меня подумают? Ты зачем приперся сюда, что, спросить трудно было, кто в бане моется?

– Не плачь, Саша, получит она у меня завтра.

– Мы что, до завтра в бане сидеть будем голяком? – еще громче начала я плакать.

– Саша, выходи за меня замуж. Я давно хотел тебе сказать об этом, да стеснялся. Мы же с тобой уже четвертый год дружим, и родители мои мне намекали, что хватит уже нам ходить.

– Нашел место, где меня замуж позвать, – перестала я плакать, умылась в темноте, как могла. Молча сижу.

– Ну как, Саша, согласная ты за меня пойти?

– Согласна, – говорю.

– Завтра родителям моим скажем, а потом в Совет пойдем, запишемся, – а сам стоит у порога и не двигается.

– Садись, – говорю ему, – на полоч. Надо хоть помыться, пока вода горячая. Зря, что ли, баню топили?..

Вымылись в темноте, как могли. Сидим на полке, разговариваем. Уже волосы высохли, а нас никто не открывает. В окошечке рассвет забрезжил, шаги послышались. Тети Агашин голос послышался:

– Господи, кто это дверь в баню колом подпер?

Тут Максим ей из бани крикнул:

– Мама, это Капка нас обманула и закрыла нас с вечера с Сашей.

Постояла она какое-то время и говорит нам:

– Оденетесь и в избу идите. Саша, домой не ходи, поговорить надо.

А сама бегом в избу. А там Капка вытягивалась на кровати, про нас совсем забыла. Схватила тетя Агаша ремень и давай ее охаживать по чем попало. Завел меня Максим за руку в избу. Стоим, молчим, только Капку слышно, как она под одеялом воет.

– Что скажешь, Максим? – спрашивает тетя Агаша, и на сына посмотрела долгим взглядом. Слышим, Капка замолчала под одеялом, прислушивается.

– Мама, отец, ничего плохого о нас не думайте. Ничего промеж нас не было.

Отец крякнул, провел пальцем по усам и отвернулся к окну. А Максим продолжал говорить.

– Мы решили пожениться с Сашей, просим вашего разрешения.

И тут Капка не выдержала, откинула одеяло и заорала:

– За что меня было лупить, они давно любят друг друга.

Тетя Агаша опять схватила ремень и полоснула по одеялу со словами:

— За то, чтобы ты не насмеялась над чужой любовью, паразитка шелапутная. В кого ты только такая уродилась?

Отец хмыкнул и опять разгладил усы.

И тут из-под одеяла раздался смех, такой заразительный. Мы уж подумали, что Капка свихнулась оттого, что мать ее отхлестала. А она сквозь смех говорит:

— Ой, не могу. Посмотрите на жениха с невестой. Они же как черт с чертихой, все в саже.

Мать с отцом начали улыбаться, да и мы, глядя друг на друга, засмеялись. Баня-то топилась по-черному, а света не было. Вот мы все в саже испачкались. Оттерлись от сажи. Посадили нас за стол. Начали разговор вести: когда сватать меня пойдут, когда свадьбу играть. Капка умылась, села с нами за стол. Собралась тоже совет держать. А тетя Агаша ей говорит:

— Ты зачем Фиме трубу закрыла? Весь дым в избу пошел.

— Мам, я не закрывала ей трубу. Это парни ее заткнули. Ребяшня играла возле ее двора, а ей шумно стало. Выскочила она с палкой и давай их гонять и матюгаться. Пожаловались они взрослым парням. Вот они и заткнули трубу ей. А она не разберется, в чем дело, и на меня сваливает. Я просто рядом стояла, — отвела глаза в сторону Капка. Отец опять хмыкнул, но ничего не сказал.

— Если рядом стояла, значит, ты их надоумила. Вот что, подруга, хватит нам краснеть за тебя, взрослая уже кобылка. После свадьбы брата поедешь к тетке в город, выучишься на портниху и будешь там жить, может, замуж быстрее выйдешь, да дурь из башки выветрится.

— А как же мои телята?

— На твоих телят другую телятницу найдут. А за этот месяц наведешь кругом порядок, подготовиться надо к свадьбе. Так что с завтрашнего дня и начинай. Бели, мой, убирай, стирай, но чтобы в каждом углу блестело — и во дворе, и в сараях. Ты поняла меня?

— Поняла.

Я уже не сердилась на нее, шепчу ей, что помогу в уборке. Вот так я вышла замуж.

— А Капитолина?

— Капа уехала в город, выучилась. Стала хорошей портнихой. В городе вышла замуж, приезжает к нам в гости. Первое время очень

сучала, даже плакала. Через год приехала и опять насмешила всю деревню. Пробралась на ферму и всем своим телкам и бычкам привязала банты из лент, и четырем племенным быкам по банту на кудри привязала. Как только они ее подпустили. Утром скотники пришли на ферму и обомлели от такой красоты, но банты не сняли. Долго ходили с бантами ее телята и быки. Когда встречаемся с Капой, вспоминаем молодость, все ее проделки, мое замужество. Насмеемся от души, и она уезжает снова в город.

– Баба Саня, так Вас Сашенькой звали? – спросила Вера. – Почему же стали звать Саней? Сашей красивее называть.

– Девчонки, не хочу я об этом вам говорить. А может, и стоит рассказать, чтобы у вас такое не произошло в жизни. Вы ведь взрослые уже, тоже замуж пойдете. А с мужем жить, надо всегда ушки на макушки держать.

– Зачем ушки на макушке держать, если он любит? – уточнила Лиза.

– Дуреха ты, Лизавета, жизни не знаешь. А жизнь ведь испытывает нас на каждом шагу, только успевай, поворачивайся. Меня вот Максим тоже любил. Сашенькой называл. А так получилось, что он ненадолго про любовь забыл, и стала я уже не Сашей, а Саней. Кузнецом он работал. Жили мы хорошо промеж себя. Родила я двоих сыновей и дочку. Вся в детях, в хозяйстве, некогда было на мужа взглянуть. Вечером замертво падала, так уставала, да еще ночью к ребенку вставала. Стали до меня слухи доходить, что Максим мой больно хорошо клепают кастрюли, мотыги, кует всякую домашнюю утварь. Особенно одной бабенке понравилось, так что она зачастила к нему в кузню. Мне говорят, а я не верю, и все тут. Однажды допекли меня эти слухи. Не выдержала я. Уложила дочку днем спать, а сама вдоль речки, чтобы люди не видели, прошла к кузне с лозиной в руках. Подошла к двери, ничего не пойму. Дверь на палочку закрыта и никого нет. Оказалось, это его помощник ему помогает в этом деле. Прикроет их и уходит на полчаса. Постояла я и вдруг услышала шепот. Рванула дверь, а там мой Максим с этой бабенкой «кастрюлю клепают». Закипело мое ретивое. Не знаю, откуда силы взялись. Отшвырнула я Максима и начала хлестать ту бабу что было силы. Сломалась у меня лозина, я кинулась к печи, там щипцы в огне лежали. Сорвала со стены какую-то тряпку и выхватила эти щипцы из огня. Развернулась, а бабы и след простыл. И пошла я с этими щипцами на мужа. А он стоит в дверях, бледный весь и шепчет:

– Не надо, Сашенька, брось щипцы.

Очнулась я, как от страшного сна, бросила щипцы на пол и пошла к речке. Вечером пришел Максим домой, глаз не поднимает, прощения попросил, Сашей называет. Я ему тогда сказала:

– Нет больше той Саши, Саня я для тебя стала, так и зови. Будешь еще позорить меня, себя, детей наших, грязь от чужих баб домой нести, я что-нибудь с собой сделаю, и детей своих будешь сам растить. А вырастут они большими, узнают причину моего ухода и никогда тебе не простят своего сиротства. Покойники не стоят у порога, но свое берут. Запомни это, Максим.

С этих пор больше никогда мне никто не говорил и не намекал на то, что он «хорошо клепают». А кому надо было что починить, приносили домой и забирали из дома.

– Подумаешь, один раз согрешил и уже с собой что-то делать надо из-за этого. Дети ведь у вас были, никуда бы он не делся, все равно бы с Вами жил, – рассуждала вслух Лиза.

– Может быть, кто-то не обращает на это внимания, я такую семью не знала. Это всегда очень больно и обидно. Живешь вроде, как с предателем. Я так не могу жить с мужем, с кем-то его делить. С годами я простила его и поняла его. Я ведь была уставшая всегда, заматанная работой, а он ведь мужик. Природа его устроила по-другому. Поэтому и говорю вам: ушки на макушке держите, девки, когда замужем будете. Вот ты Лизавета, знаешь, где сейчас твой Сашка?

– На работе, где же ему быть.

– А может, он сейчас катает на своей мотоциклетке какую-нибудь девку по полям?..

– Да Вы что, баба Саня, такое говорите?.. Не может этого быть. Он меня любит. Я его убью, если узнаю.

– Ты ведь еще не замужем за ним, а собралась убивать. Вот видишь, как тяжело даже об этом подумать. А ты говоришь – ничего страшного.

Вера не проронила ни слова, она молча, с жалостью смотрела на бабу Саню.

– Вы идете чай пить? Третий раз подогреваю, – позвала к столу Арина.

– Идем, идем, от этих разговоров во рту все пересохло, – отозвалась баба Саня.

Девчонки пили чай молча, только иногда Вера вскидывала взгляд на бабу Арину, как бы спрашивая: «Бабушка, разве так бывает, когда двое друг друга любят?».

Когда ушли Лиза с бабуей Саней, она задала этот вопрос. Арина грустно посмотрела на Веру, ответила:

– Внушенька, жизнь прожить – не поле перейти. Семейную жизнь можно сравнить с лодкой, где рулевым обычно бывает женщина. У нее должно хватить терпения, мудрости, ума, чтобы провести лодку через все жизненные невзгоды, иногда вылавливать из воды мужа, если он, не подумавши, нырнет за борт, и не унизить его перед детьми. При этом оставаться женой, матерью, хозяйкой и не забывать о том, что ты еще и женщина. Если же ей чего-то не будет доставать, то лодка будет получать пробоины, а воду, которая залетит дно лодки, будет вычерпывать вся семья. Ну а если она бросит руль, семья может погибнуть. Хорошо, когда это понимает муж и во всех делах с тобой заодно. Такие семьи называют счастливыми. Что поделаешь, такую роль отвел женщине Господь. Но, несмотря на трудности, очень счастливой бывает женщина, когда у нее все получается. Поняла хоть что-нибудь из того, что я тебе говорила?

– Да, бабуль, все поняла.

– Сеня мне не изменял, и я не испытывала боль измен, не знаю, как бы у нас с ним дальше было, но если бы он сейчас был жив, я бы, наверное, тоже ему простила, как Саня.

Перед отъездом в училище баба Арина позвала Веру в свою спальню. Сказав, что кружится голова, Арина прилегла на кровать. Вера примостилась на большом сундуке напротив, чтобы хорошо видеть бабушку.

– Не люблю я зиму, а особенно ноябрь и декабрь. Ночи очень длинные, утра никак не дождусь, – тихо сказала баба Арина.

– А ты вечерами ходи к бабе Сане с дедом Максимом, – посоветовала Вера.

– Ходим мы друг к другу, чай пьем, прошлое вспоминаем. Навспоминаемся, а потом еще хуже не уснешь. Ну-ка, слезь с сундука, да открой его.

Вера послушно встала, подняла крышку сундука, села на край и стала рассматривать старинные открытки, приклеенные на внутренней стороне крышки.

– Доставай каждую вещь, складывай на пол, а я буду говорить тебе, что с ними делать. Не знаю я, сколько мне еще отпущено Богом жизни, поэтому хочу тебе все рассказать, куда что распределить. Верхние тряпки убери, я их иногда надеваю.

Вера убрала в сторону то, что просила бабушка. Справа лежал сверток, завернутый в белую ткань. Она взяла его в руки.

– Когда я умру, отдашь этот сверток, чтобы меня одели полюдски.

Вера вздрогнула и испуганно посмотрела на бабу Арину.

– Бабуль, не надо об этом, – и отодвинув сверток в сторону подалее, накрыла его платком так, чтобы не было видно.

– Ладно, вынимай дальше, что там?

Вера взяла в руки два альбома. Один был бабушкин, второй – Верин. Она часто его смотрела. Там были фотографии ее родителей, дедушек, бабушек, которых она плохо помнила. Были и ее фотографии, где она совсем маленькая. Альбомы она отложила в сторону. Следующей лежала темно-синяя ткань. Вера подняла ее и показала бабушке.

– Из этого материала закажите в городе Алексею костюм, когда он придет из армии.

Вера положила ткань на пол. Затем девушка стала доставать какие-то платья из очень красивых тканей, но пошиты платья были не так, как сейчас носят. Одно платье было атласное, цвета морской волны с разноцветными листочками по полю. Следующее платье было из ткани, название которое Вера знала. Называлось она панбархатом. Было оно бордового цвета. Последнее платье было из легкой тонкой ткани необыкновенного синего цвета.

– Крепдешиновое, – послышался бабушкин голос. – Примерь, там и туфли есть где-то сбоку.

Вера просунула руку, нащупала туфли. Развернув газету, в которую они были завернуты, она увидела черные замшевые туфельки.

– Бабушка, сейчас так не шьют платья и туфли такие не носят.

– Ну, туфли у тебя есть, а платья перешьешь по моде. Сама и перешьешь, руки у тебя есть, шить умеешь. Надевай, посмотрю.

Вера сбросила халатик, а баба Арина отметила про себя:

– Хороша. Господи, сохрани и помилуй. Дай ей хорошей судьбы и счастья.

Все платья ей подошли, но все, кроме бордового, она в нем стояла, надо было перешивать.

– Бабуль, это ты в них была царь-девкой?

Арина долго смеялась.

– Вера, вот ведь ты придумаешь всегда что-нибудь. Разве ж у нас были такие платья? Деревенский народ в основном бедно жил, скромно. Это платья твоей мамы.

– Это правда, бабушка?

– Правда. Хранила как память. Ждала, когда вырастешь. Вот, наконец, и дождалась, слава тебе, Господи.

– Так она же вон какая красивая была.

– А ты альбом открой да сравни себя с ней, – улыбнулась баба Арина

Девушка взяла альбом и начала перелистывать страницы. Наконец, она наткнулась на фотографию, где мать в темном платье стоит рядом с отцом. Фотография была черно-белая, но фасон платья тот же, что сейчас был на ней.

– Ой, бабушка, правда, я очень похожа на маму, – глядя в зеркало, а потом на фотографию повторяла Вера.

– Это, чтобы ты всегда помнила о своих родителях и не забывала, кто одарил тебя красотой, а главное – дал тебе жизнь. Иди к сундуку, доставай дальше.

Вера сняла туфли, платье и, накинув халатик, продолжила начатое дело. Она доставала красивые покрывала, белоснежную узорную тюль, полотенца, какие-то ткани, а бабушка молчала. Наконец показалось дно сундука, где оставался небольшой сверток. Вера взяла его в руки и сказала.

– Все, вот это последнее.

Перед Верой лежала гора вещей.

– Вера, внученька, это твое приданое. Все, что я успела тебе собрать.

– Я не собираюсь замуж, – поспешно ответила девушка.

– Когда-нибудь выйдешь, и на первое время тебе хватит. Вон там еще подушки, перина, одеяло – все новое, тоже тебе. Разверни сверток.

Вера послушно развернула и увидела две старинные, необыкновенной красоты дверные ручки из какого-то светлого металла. Пластина, которая должна крепиться к двери была вся в узорах. Сама

ручка из прозрачного голубого стекла, а наверху сидел маленький ангел с крылышками и прижимал пальчик к губам, как будто призывал не шуметь.

– Бабуль, откуда такие красивые ручки?

– Эти дверные ручки передала мне моя мама и рассказала, что они были на дверях спальни ее родителей. Очень богатыми они были. Что с ними случилось, она не говорила или боялась говорить. А ручки она сама открутила, когда куда-то убегала. Всю жизнь она их прятала, и я их берегла от чужих глаз, боялась. Да и куда такую красоту на наши двери? Храни, не показывай никому от греха подальше. Может, жизнь изменится и будет у тебя красивый дом, вот и прилепишь в свою спальню на дверь, меня вспоминать будешь, – улыбнулась Арина. – Складывай все обратно в сундук аккуратно. Платья оставь. Перешивай да носи. Хватит им лежать. Господи, хоть бы вас дождаться. Лешка-то чего пишет?

– Бабуль, мне он пишет все то, что и тебе. Весной должен быть уже дома. Я его в отпуске не видела. Экзамены сдавала. Послала ему фотографию свою, так он отругал меня. Зачем, говорит, накрутилась, на себя не похожая. Ребята не верят, что сестра. А я и не красилась.

Арина перекрестилась:

– Слава тебе, Господи, весной все дома будете, ты тоже учиться закончишь.

Пролетела зима. Весной вернулся из армии Лешка. Получив в колхозе машину, начал работать.

Вера с Лизой в конце июня с дипломами в кармане, тепло попрощавшись со Светлой, Машенькой и Сергеем Михайловичем, ехали домой. Вера получила направление в свое село, а Лиза – в соседнее, Серебрянку, где жил Саша Белов.

Втащив вещи в дом, Вера прошла в спальню к бабушке. Арина лежала на кровати, рядом стоял стул с настоями. Обрадовавшись приезду внучки, Арина села на кровати и никак не могла попасть ногой в тапочек. Вера подбежала, встала на колени, надела ей тапочек и уткнулась лицом в бабушкины колени. Она увидела, как за эту зиму бабушка сильно сдала. Слезы навернулись на глаза.

– Спасибо тебе, Господи, дождалась, – шептала Арина. – Ты чего плачешь, Верочка? Я вот тут немного приболела. Алексей за мной ухаживал. На работе он, вечером только дома будет.

– Соскучилась я очень по тебе, моя бабуленька, – не выдавая всей правды, сказала Вера.

И началась генеральная уборка в доме, в летней кухне, во дворе. Одновременно у Веры что-то варилось, стиралось в машинке, мылось, убиралось, топилась баня. Она вихрем пронеслась по двору из дома в кухню, в баню и обратно. К вечеру кругом была чистота и порядок. Двор выметен, наготовлен ужин.

Искупав бабушку в бане и накормив, она завела ее в дом, уложила в чистую постель, сделала укол.

– Спасибо тебе, внученька, а то у меня что-то сил не стало самой мыться.

– Бабуль, все хорошо, подлечим тебя, и ты снова побежишь.

Арина промолчала, она засыпала. Вера потихоньку вышла, осторожно прикрыв дверь.

Надев легкий сарафан, распустив влажные после мытья волосы, Вера по тропинке отправилась к реке. Все так же шумела речка на перекатах. Сняв босоножки, она перебежала по мелководью на другую сторону и остановилась возле черемухи. Кто-то сделал небольшую скамейку возле дерева. Летний вечер не торопился вступать в свои права. Сев на скамейку, она прислонилась щекой к теплomu стволу черемухи. От реки веяло свежестью, а с луга прилетал тонкий запах трав, который был ей знаком с детства. Четыре года она ждала встречи с Лешкой. Ждала и боялась. Боялась, а вдруг то чувство, которое она прятала в своей душе, надуманное. Может, она внушила себе, что только с ним будет счастлива. А вдруг это чувство при встрече с ним исчезнет? Нет, она не хотела, чтобы оно исчезало. И что же ей делать? Не ответив на вопрос, ей стало грустно, появилось желание заплакать. Глаза наполнились слезами, она подняла их и сквозь слезы и листву черемухи увидела на другом берегу, на пригорке, парня со светлыми волосами. Внутри зазвенела струна, захотелось спрятаться, стянуть встречу. Лешка не видел ее лица, поэтому крикнул:

– Ты чего там прячешься? А ну, выходи! Дома все блестит, и никого нет. Мы с Лизой обыскались тебя. Не можем никак найти, – тараторил Лешка.

Стряхнув с себя оцепенение, Вера медленно, не чувствуя обжигающего холода от родниковой воды, переходила речку. Речной холод встряхнул ее. Она слишком спокойно поднялась на пригорок,

тряхнула волосами и, встав напротив Лешки, посмотрела прямо ему в глаза. Лешкино лицо начало меняться. Вначале было недоумение, что он ошибся, потом удивление, затем восхищение. Перед ним стояла удивительной красоты девушка с распущенными волосами. Из-под пушистых ресниц прямо ему в душу смотрели большие темнo-серые глаза. От этих глаз некуда было спрятаться. Он оторопел, смешался, не зная, как поступить, как поздороваться. Обнять, поцеловать – не осмелился.

– Здравствуй, Алеша, – протянула ему руку Вера.

Что-то плеснулось в его синих глазах. Раньше она его так не называла.

– Здравствуй, – осторожно взяв ее маленькую ладошку в свою, ответил Лешка. Что с ним стало происходить, когда он держал ее ладонь в своей, он никогда и ни за что не смог бы объяснить. Какие-то разряды шли у него внутри, и его стало потряхивать. Он отпустил ее руку, но взгляд свой от ее глаз никак не мог себя заставить отвести.

– Ты здорово изменилась.

– Ты тоже изменился, Алеша, – слишком спокойным голосом проговорила девушка.

Разговор не получался, и они замолчали.

– Пойдем домой, ты, наверно, голоден, ужин стынет, – сказала Вера и пошла по тропинке к дому. Лешка шел за ней и, своими следами накрывая ее маленький след, невольно рассматривал девушку. Волосы волнами спадали на спину, тонкая талия, стройные ноги и маленькая стопа. Было сильное желание провести рукой по волосам, но он пересилил себя и завел руки за спину.

Собрав на стол ужин, Вера налила в чашку чай, унесла бабушке в дом и снова вернулась в летнюю кухню. Волосы были подняты и заколоты; от этого она казалась взрослее. Налив себе чаю, она села напротив его.

– Где работаешь, Алеша?

– Дали машину, по командировкам езжу. А тебя куда направили?

– Завтра иду в нашу больницу.

– Нормально, дома будешь. Ты бы отдохнула после учебы...

– Нет, не хочу, пойду на работу.

Они вели обыденный разговор, прислушивались к своим ощущениям, как бы заново узнавали друг друга.

– Сегодня баня, – вставая из-за стола, проговорила Вера. – Постель я сменила, вот белье, – и, положив на стул белье, вышла из кухни на улицу. От калитки шла Лиза.

– Вера, пойдем в клуб сходим, сто лет никого не видели.

По дороге в клуб, встречая знакомых, здоровались, и Вера всех называла полными именами.

– Вера, почему ты их называешь по-взрослому?

– А мы что, не взрослые? Вот Лизавета, звучит, а?

– И правда, звучит. А как же тебя называть?

– А Вера она и есть Вера, как Надежда и как Любовь, – засмеялась девушка.

В клубе снова здоровались. Вздрагивали девчата, расправляли плечи ребята. Заговаривали с Верой, хотелось еще раз услышать свое, по-новому красиво звучащее имя. После фильма вся молодежь отправилась на речку, где ребята разожгли костер. Играли в «Ручеек», в «Третий лишний». Было весело, шумно. Лешка видел, как некоторые ребята, старше его, наперебой выбирали Веру. Сам же он не посмел ни разу ее выбрать.

Уже дома, лежа в постели, Лешка попытался вспомнить то чувство, которое возникло у него там, на пригорке, когда он здоровался с Верой. Что случилось особенного? Подумаешь, смазливая девчонка, Верка, которую он знал с детства. Но где-то из глубины подсознания пробивалась мысль: «Не сестра она мне». А если не сестра, тогда что? А если она так же смотрела на кого-то из ребят, которые ее сегодня выбирали, и здоровалась за руку. Наверняка, здоровалась.

Лешке стало жарко. Он прошел в баню и вылил на себя ведро холодной воды. Укладываясь снова в постель, отгонял все мысли, пытаясь заснуть, но перед ним вновь возникала Вера с распущенными волосами. Проваливаясь в беспокойный сон, он прошептал:

– Ведьма!..

Дни пробегали незаметно. Вера потихоньку втягивалась в работу. Радовалась, что в ней нуждались сельчане. Как-то незаметно стали называть уважительно Верой Васильевной. Наблюдала Вера и бабушку Арину. Слабые сосуды и сердечко все чаще давали сбои. Уже и ночью делала она уколы бабушке, пытаясь оттянуть неизбежное. Однажды баба Арина позвала Веру.

– Сядь-ка, внученька, по душам поговорим. Скажи, Вера, кто-нибудь твою душеньку затронул? Ты ведь знаешь, я скоро умру. Хотелось бы знать, какая тебе судьба будет. Молиться за тебя буду там.

– Да, бабуль, затронул, – просто ответила девушка.

– И давно?

– Помнишь, когда я на кухне перед тобой на коленях стояла и плакала? Вот тогда и случилось.

– Верочка, как же я проглядела, не догадалась. И время ведь сколько уже прошло. А он что же, знает?

– Нет, не знает. Он, бабушка, просто не замечает меня, и не могу я его заставить полюбить. Сейчас ведь так не пляшут, как вы с Сенечкой плясали, – грустно сказала Вера и вздохнула.

– Кто же это? Что за пентюх такой? Такую красоту не замечать. Глаза-то где у него? Или другая у него есть?

– Пока, вроде, никого нет.

– Сейчас же говори, кто?

– Не могу я тебе сказать этого, мне стыдно.

– Внученька, не волнуй мое сердце, говори.

Вера вышла в большую комнату, сняла со стены портрет деда Семена и вернулась к бабе Арине. Примостив портрет на сундуке напротив бабушки, сказала:

– Похожего вот на него полюбила, – и, вздохнув, отвела глаза.

– Багюшки-святы, Алешка! Радость-то какая, Вера, – перекрестилась Арина. – Сердечко мое запело, внученька.

– Бабушка, тебе нельзя волноваться. Давай укол сделаем?

Не слушая Веру, баба Арина продолжала:

– Говоришь, не замечает тебя?

– Не замечает, наверное, сестрой меня считает.

– Как же, как же, конечно, считает. Росли ведь вы вместе. Ах ты, Господи, помочь надо вам.

– Бабушка, не говори ему, – заволновалась Вера.

– Что ты, девка, как можно. Нельзя им об этом говорить. Надо, чтобы он сам до этого додумался. Где он сейчас?

– За водой на машине поехал, хочет баню истопить.

– Баню, это хорошо. Пусть топит. Потом зайдите вместе ко мне, а сейчас иди, внученька. Портрет деда оставь, пусть здесь стоит.

Спустя час в комнатку к бабе Арине вошли Лешка с Верой и встали перед ней. Она открыла глаза, посмотрела на них и про себя

стала молить Бога о судьбе самых дорогих ей людей, мысленно благословляя их на совместную жизнь. Просила Бога, чтобы на Лешку нашло просветление, чтобы он увидел свою судьбу стоявшую рядом с ним. Вдруг она увидела, что вокруг головы Веры и Лешки образовалось золотистое свечение в виде лучей. Она перевела взгляд выше их голов, где висела икона Христа, и там увидела такое же свечение. Она поняла, что это означает. Христос шел к людям с любовью. Значит, Вера и Лешка тоже любили. Арина улыбнулась и услышала голос внука.

– Бабушка, звала?

– Звала, – как бы очнувшись, ответила Арина. – Хочу сказать вам.

Она пошарила рукой под подушкой и вытащила два свертка.

– Возьми, Алексей, – протянула она внуку сверток. – На эти деньги похороните меня.

Лешка вздрогнул, попытался возразить, но Вера сжала его локоть.

– А на эти деньги, – протянув второй сверток Вере, сказала баба Арина, – купите себе зимнюю одежду, телочку или корову. В деревне без коровы – беда. Здесь хватит на все, и еще останется. Присылали мне Степан с Володей, Петр Сергеевич, вот и скопила для вас. Немного помолчав, продолжила:

– Еще, Алексей, дай мне слово, что пока Вера не выйдет замуж, ты не женишься. Не бойся, долго ждать не придется. В девках она не задержится. Красивые цветы у дороги долго не растут.

Переведя взгляд на Веру, проговорила:

– Саня мне говорила, что взрослые ребята вьются вокруг тебя, внученька. Сынок председательский тоже поглядывает. Знамо дело, дураком надо быть, чтобы такую лебедушку не заметить. Не перебирай долго. Пробежит искра меж вами, замрет сердце, а потом застучит, значит, судьба твоя. За того и выходи, моя хорошая. Иди, Алексей, а ты, Вера, останься.

– Вот что я хотела тебе сказать, внученька, – начала говорить Арина, как только за Лешкой закрылась дверь. – Я не знаю, как это объяснить, но на протяжении своей жизни иногда перед глазами у меня появлялись картинки, через которые я узнавала, что случится с тем или другим человеком. Наверное, это дано мне Богом. И еще, при помощи ладоней я могла определить, чем болеет человек. Все это я скрывала от людей, боялась. Когда-то давно я слышала, от кого не помню, что, кто обладает этим даром, может передать другому, когда

будет сам умирать. Только надо взять за руку умирающего. Если не испугаешься, можешь так сделать. Может, и перейдет к тебе этот дар. Ты лечишь людей, тебе пригодится. Но запомни, никогда ничего не бери за лечение и никогда не применяй во вред человеку, иначе все скажется на твоём здоровье. Даром получила, даром отдай. Будь очень осторожной. Люди встречаются разные. С Алексеем у тебя будет все хорошо, не переживай. Всему свое время. Иди, Вера, устала я, хочу отдохнуть.

Вера прошла в летнюю кухню, села перед окном и задумалась о том, что услышала от бабушки.

Лешка же выскочил от бабушки обалдевшим, не зная отчего. Или от того, что бабушка собралась умирать, или от того, что Андрюха Панов кружит вокруг Веры, или от того, что красивые цветы у дороги долго не растут. Заболела душа у Лешки, заметался он, не зная, куда себя деть. Завел машину, поехал к речке, вымыл ее до блеска, но покой не наступил. Вернулся домой, что-то делал, куда-то ходил, но душа ныла. Помылся в бане, пошел в клуб. Шутил, смеялся, обнимал девчонок, вернулся домой, лег спать, но сон не шел. Он начал представлять себе Веру рядом с другими парнями и не смог. Видел он ее только рядом с собой. Как обнимает за плечи, гладит волосы, смотрит ей в глаза. Он размахнулся и со всего размаху влепил кулаком в подушку: «Совсем уже дурею. Завтра же попробую с ней поговорить. По глазам увижу, не могу не увидеть». Только к утру он забылся в беспокойном сне, и услышал Верин голос.

– Леша, Леша, проснись же, наконец!..

Подумал: «Снится... нет, не снится». Он открыл глаза. Было раннее утро. Перед ним стояла Вера и что-то говорила. Медленно стал доходить смысл слов:

– Умерла бабушка. Вставай, сходи за матерью, соседями. Надо нагреть воды.

Поняв, что до него дошло сказанное, она пошла к двери.

Когда хоронили бабу Арину, Вера не плакала. Стояла в черном платочке с застывшими глазами. Голосила, плакала дочь Нюся. Плакала она о матери, своей главной поддержке, и о своей неудавшейся судьбе. Очень горькие это были слезы. Приехали все сыновья. В доме было полно народу. Вера, как заведенная, старалась всем угодить.

Металась из кухни в дом и из дома в кухню. Лешка во всем ей помогал. Все девять дней, пока все не разъехались. Баба Саня уводила Веру к себе ночевать, где она проваливалась в сон, как в бездну. Наконец все уехали. Пришли Нюся, Наталья, Лиза, побелили, все вымыли, убрали. Вера ходила по дому, и казался он ей просторным и пустым. Только работа спасала от этой тишины. Каждое утро она ходила на кладбище, пока баба Саня ее не отругала.

– Вера, перестань тревожить Аринину душу. Дай ей спокойно уйти на небо. Нельзя ходить часто на кладбище. Только по специальным дням туда ходят.

Что-то происходило непонятное с Верой. Душа скукожилась и не хотела распрямляться. В глазах была пустота.

Подогнав машину к дому, Лешка залез в кузов, заделывал щели. Из-за бортов машины его не было видно. Скрипнула калитка, из нее вышли дед Максим с бабой Саней. Он хотел поздороваться с ними, но, боясь их напугать, передумал и пригнулся, надеясь, что они пройдут мимо. Но они присели на скамейку у палисадника. Лешке пришлось затаиться. Заговорила баба Саня.

– Закаменела девка. Помнишь, в войну Алена Зотова получила похоронку, вот такой же сделалась, как Вера. Глаза пустые, а лицо, Господи, – всхлипнула баба Саня, – другие бабы голосили, получив извещение, а она нет, запеклась душа. Так и сгорела, сердце не выдержало.

Лешка похолодел, а баба Саня продолжала:

– Арина заменила ей и мать, и отца, и всю родню. Думаешь, легко ей было, когда бабушка у нее на глазах умирала? Молоденькая ведь еще, со смертью рядом стоять одной среди ночи.

– Так ведь фельдшер она, – возразил дед Максим.

– Дед, ну что ты говоришь? Это она для чужих фельдшер, а здесь умирал самый дорогой человек для нее. Сергеевич вот не смог приехать. Звонил, говорил, что в конце августа сможет только.

– Сань, да вот Лешка остался.

– У Алешки мать есть. А что Алешка? Ему бы только девок мять. Здоровый, красивый, а серьезности никакой. Хоть бы парень какой понастойчивее нашелся. Любовью бы отогрел.

– Такая девка должна сама полюбить, замуж без любви такие не выходят. Царь-девка! Арину вспомни. Такая же была, – сказал дед Максим.

– И мужья таким не изменяют, как ты по молодости кобелировал. До сих пор все глазами водишь, ни одну бабу не пропустишь.

– Почему глазами, я еще с ними разговариваю.

– То-то и оно, что осталось тебе, только глазами да разговорами, – уела его баба Саня.

– Так ты же не царь-девка была, – защищался дед Максим.

– Тебе и меня много было, кобель старый. Сколько из-за тебя стыда приняла! А парнем-то был – тихоня-растихоней. Девки голой в бане пугался. Если бы не Капка, так бы и ходил холостым. Царь-девку ему еще подавай.

– Так ты в бане так орала, любой испугается.

Помолчали. Баба Арина всхлипнула.

– Максим, что же делать? Надо ведь спасти девку. Ей бы поплакать, легче стало. Может, какой отрез на платье подарить, порадует, отгадет? Есть у меня в сундуке материал, пойдем, надо посмотреть.

Они встали со скамейки и пошли к своему дому.

Все, что говорили о Вере баба Саня и дед Максим, была правда. Все это видел и Лешка, но как поступить так, чтобы Вера оттаяла? Подойти, как брат, обнять, прижать к себе и погладить по голове он уже не мог, но и проявить чувство, как любящий, тоже не получалось. Во всем ее облике было равнодушие, а в глазах такая боль, которая останавливала любого, кто пытался ее пожалеть. Ни с кем не хотела она делиться своим горем. Мысль о том, что он должен что-то такое сделать для Веры, чтобы она встряхнулась, отвлеклась от горестных мыслей, не давала Лешке покоя. Вдруг мелькнула мысль. Он даже засмеялся, что это так просто, проще не бывает.

– Вер, дай мне денег, – попросил Лешка.

Она молча положила сверток с деньгами на стол.

Лешка отсчитал, сколько нужно, сел в машину и уехал. Вернулся он к обеду. В кузове, привязанная за рога, стояла корова. Осторожно, по настилу, он свел ее с машины и пропустил во двор. Набрав в ведро воды, он поставил его перед коровой, а сам сел на крылечко. Выпив полведра воды, корова пошла по двору. Была она черная, с белыми пятнами, широкая, дородная. Огромные глаза спокойно смотрели на мир. Скрипнула калитка, во двор вошла Вера и застыла на месте, глядя на корову.

– Как зовут? – не глядя на Лешку, спросила она.

– Ласточка.

– Ласточка, – повторила девушка.

Корова замычала, подошла к ней и остановилась. Какое-то время они стояли и смотрели друг на друга. Потом Вера быстро прошла в кухню, вынесла большой кусок хлеба и протянула корове. Съев хлеб, корова потянулась к Вериним рукам, пахнувшим хлебом, и начала их лизать. Вера засмеялась, пошла к сараю, и Ласточка, как привязанная, шла за ней. Лешка облегченно вздохнул и, некоторое время посидев, поднялся, прошел к сараю и заглянул в маленькое оконце. Девушка обнимала, гладила корову, что-то шептала ей на ухо и улыбалась. Лешка вернулся на крылечко и крикнул:

– Вера!

Из сарая показалась улыбающаяся девушка.

– Поехали за травой. Дня два постоит дома, привыкнет немного, а потом в табун погоним. Мне сказали, что она доится. Вечером молоко свое будет.

Он взял косу, грабли, вилы и бросил в кузов. На машине доехали они до березовых рощиц, где на полянах была зеленая трава. Лешка косил, Вера граблями подгрребала скошенную траву к машине. Вдруг она остановилась, упала на колени и, разбросав руки в стороны, лицом уткнулась в траву. Знакомые запахи трав: ромашка, медунница, земляника. Так пахла одежда и бабушкины руки. Она лежала с закрытыми глазами и вдыхала этот запах.

– Вер, ты чего, тебе плохо? – услышала она Лешкин голос.

– Наоборот, мне очень, очень хорошо, – не поднимая головы ответила Вера и засмеялась.

– Ну, ты даешь, перепугала меня, – проговорил он, присаживаясь рядом на траву.

– Вер, ты не расстраивайся, у тебя есть дед, который скоро приедет. И я для тебя, что хочешь, сделаю. Ну, что ты так? Я ведь тоже бабушку сильно любил. Она вот сейчас на нас с небес смотрит, как мы с тобой траву косим.

Вера села на траву, поправила платье, искоса посмотрела ему в глаза. Встретившись с ней взглядом, он поспешно встал со словами:

– Пойду косить, корова голодная стоит, – и заспешил на поляну.

Косил Лешка траву и ругал себя распоследними словами:

– Нашел что сказать: «Корова голодная стоит», вот дурачина, настоящий дурачина.

Началась уборка урожая. Лешка целыми днями пропадал на полях, возил зерно. Приезжал домой ночью, мылся, ел и падал замертво от усталости на кровать, а утром рано уезжал на работу.

Вскоре приехал Петр Сергеевич. При встрече с дедом Вера плакала навзрыд, уткнувшись ему в грудь. Она торопилась рассказать о своей боли, о том, как ей тяжело без бабы Арины.

Петр Сергеевич обнимал ее, гладил по голове, успокаивал, как мог.

— Да, внученька, тяжело терять близких людей. Со мной на площадке живет служитель церкви. Мы с ним часто беседуем. Мне он всегда говорит, что не надо убиваться. Расставание не самое страшное, так как после него остается память, и, пока мы помним ушедших, они всегда с нами.

— Дед, почему так получается, что я с раннего детства теряла так много близких?

— Верочка, это как в книге судеб записано, так и должно быть. Теперь твоя задача, чтобы продолжение нашего рода на земле было.

— И где эта книга судеб находится?

— Священник говорит, что у каждого человека есть книга судьбы, куда записываются все его земные дела, переживания. Когда человек умирает, то предстает перед Богом, где ему прочитывают все его поступки, плохие и хорошие. По его делам и воздается ему. Душа его очищается и снова посылается на землю, чтобы он исправлял свои ошибки и чтобы относился с любовью к людям, Земле и небесному пространству. Абсолют, или, как мы привыкли называть, Бог, всегда посылает любовь на землю. По вере, по добрым делам, он дает нам все необходимое для жизни.

— А если человек злой, завистливый, плохо поступает, мысли у него нехорошие, Бог его тоже любит?

— Да, Верочка, Бог — это любовь. Ведь зло, плохие поступки, слова и мысли Абсолют просто не принимает, и они возвращаются уже в десятикратном размере на землю к тому, кто их запустил в пространство. Не выдерживая таких нагрузок, человек заболевает, сам не знает от чего. Иногда болезни бывают неизлечимы.

— Откуда этот священник все это знает? Он что, там был?

— Не знаю, был он там или не был, но все, что он говорит, не так уж и плохо. Ты как думаешь? Да и легче становится, если знаешь, что твои близкие, родные и сам ты снова придешь на землю. Хочется ве-

рить и не совершать плохих поступков, чтобы потом не краснеть за них.

– Дед, посмотри, – Вера подвела его к палисаднику, где росли два дерева черемухи. – Вот выросли две черемухи. Одна мамина, а другая папина. Ветки у них переплелись. Они, наверное, там вместе, и у них все хорошо, потому что стволы ровные. Бабушка так сказала. Они всегда со мной рядом были, я часто с ними разговаривала.

– Вера, внученька, – дрогнул голос у Петра Сергеевича, – какая мудрая была Арина Андреевна, Царствие ей небесное!..

Он прижал к себе Веру, гладил по голове, а сам смотрел на де-ревья.

Поздно вечером приехал Лешка. Вера познакомила его с дедом. Лешка смущался Петра Сергеевича, но тот умело завел разговор об урожае, комбайнах. Незаметно Лешка разговаривал так, что его было не остановить, пока Вера не напомнила, что утром рано вставать. Парень понравился Петру Сергеевичу, но заметил он еще и то, как Лешка смотрел на Веру. Утром, за завтраком, когда уехал Лешка, он завел разговор с Верой.

– Вера, тебе надо уезжать отсюда. От людей неудобно. Алексей – взрослый парень, ему жениться надо. А куда он жену приведет? Вроде как ты здесь лишняя. Переезжай в город, поступай в институт. Квартира тебя ждет, документы все оформлены.

– Дед, надо полгода бабушке отвести.

– На помин приедешь из города, – не отставал дед.

– Я только начала работать, неудобно от людей.

– Люди поймут и не осудят

– Не могу я сейчас уехать.

– Почему?

Отведя в сторону глаза, Вера проговорила.

– Люблю я его, дед.

– А он что? – не называя имени, спросил Петр Сергеевич. И Вера не заметив этого, ответила:

– Пока ничего. Четыре года в морфлоте, потом бабушка умерла, а сейчас уборка урожая. Вера подняла глаза и увидела, что дед улыбается.

– Дед, чего ты смеешься?

– Радуюсь я, Вера, что ты уже совсем взрослая. А с Алексеем у тебя все будет хорошо.

– Вот и бабушка тоже так сказала.

Послышались шаги. Вошла баба Саня.

– Здравствуй, Сергеевич. А я смотрю, смотрю, вроде ты во дворе мелькнул. Дай, думаю, узнаю, может, приехал, а и правда ты.

– Здравствуйте, Макаровна. Как вы тут поживаете?

– Дед, я пошла на работу, а вы тут пейте чай, разговаривайте.

– Иди, Верочка, иди, не волнуйся.

Дождавшись, когда Вера уйдет, баба Саня ответила:

– Мы ничего, скрипим, а вот Арина ушла от нас. Сердечком ослабла. Уж как Веруня не билась, а не смогла совладать со смертью.

– Спасибо Вам, Макаровна, Веру поддержали в трудную минуту.

– Да что ты, Сергеевич, мы ведь с Ариной как родные были. Много чего в жизни вместе с ней пережили. А Веруха вот только сейчас лицом посветлела, а то прямо не знали, чего с ней делать.

– Как здоровье Максима Максимовича?

– Сейчас придет, только переоденется. У нас сегодня несчастье случилось, – засмеялась баба Саня.

– Что произошло?

– Ой, Сергеевич, и смех, и грех с нами. Две глиняные миски были у меня. Берегла я их пуше глаза. В большой я в печи картовницу, груздянку запекала. Я ее в прошлом году растовокала. А маленькую сегодня дед приговорил. Собрались завтракать. Я говорю, подожди немного, курам корму насыплю, и будем завтракать. Ушла я, а он не вытерпел, сам себе каши положил, понес к столу. Миска возьми и выскользни из рук. Зашла я в дом, родимица ты моя, все в каше: и пол, и стены, и дед. Хотела засмеяться, да глянула на него, и так мне его жалко стало, аж сердце защемило. Говорю ему: «Да пропади она пропадом, эта миска, не переживай. Иди, мойся дед». Вот так и живем. Не стало в руках державы, валится все.

Хлопнула калитка.

– Вот, идет мой дед Максим. Мы теперь друг за другом так и ходим. Внуков увезли, Арины нет.

На пороге появился дед Максим, заметно постаревший, в неизменной шляпе. Каждое лето привозил ему Петр Сергеевич из Ленинграда новую шляпу.

– Здорово, Сергеевич.

И пошли разговоры о жизни, погоде, урожае и, конечно, о рыбалке. Каждое лето любили ходить они вдвоем на рыбалку. Но и в зарослях черемухи или краснотыда находила их баба Саня по шляпам. Приносила им пирожки, блинцы, компот или холодный квас.

Закончив уборку в своем районе, колонну машин перебрасывали на Алтай. Лешка тоже уезжал. Вера собрала ему рюкзак. Стоя на пороге, отводя в сторону глаза, он проговорил:

– Замуж не торопись. Не бойся, в ближайшее время я жениться не собираюсь.

Вера вышла за ним, неся фуфайку в руках. Забросив рюкзак и фуфайку в кабину, собираясь сесть за руль, он почувствовал, как Вера потянула его за руку. Он развернулся и увидел совсем рядом ее глаза. Она приподнялась на цыпочки, взяла его за воротник рубашки, подтянула его лицо к своему и, глядя ему прямо в глаза, сказала:

– Леша, береги себя. Если с тобой что случится, я умру, – и, развернувшись, быстро пошла к дому.

Лешка не помнил, как завел машину. Пришел в себя он только за селом. Всю дорогу до Алтая он вспоминал ее глаза и слова, которые она ему сказала. Что означали эти слова? Страх остаться одной на этой земле или что-то другое?

В работе время летело быстро. С первым снегом закончилась уборка на Алтае. Вспоминая Верины слова, возвращался Лешка домой. Не замечая, как проносятся последние километры, колонна машин вечером въехала в родное село. Похудевший, загорелый, довольный хорошим заработком, он шагнул через порог и остановился, пораженный увиденным. Он не узнавал комнату. Все было покрашено светлыми красками. На окнах новая, в цветах тюль. На его диване – красивое покрывало. На стене – ковер. На полу – ковровая дорожка. В доме было уютно, тепло, и чем-то вкусным пахло.

Выглянув из пригородки на стук двери, Вера с улыбкой сказала:

– Здравствуй, Алеша. Беги скорее в баню. Замерз, наверное. Там спортивный костюм я тебе купила, оденешь. Нам директор сказал, что вы едете, – и она снова скрылась на кухне.

Лешка спиной открыл дверь и вывалился в сени. Через некоторое время в новом спортивном костюме он снова перешагнул порог комнаты. Картина изменилась. В центре комнаты стоял стол, на кото-

ром теснились тарелки с холодцом, пирожками, жареной курицей, с картошкой и еще много с чем. В центре стояла бутылка красного вина и две рюмки.

– Садись за стол, разливай вино, я сейчас, – услышал он Верин голос из спальни.

Вышла она быстро. На ней было бордовое панбархатное платье с длинным рукавом, красиво облегающее фигуру. На ногах тонкие чулки и туфли-лодочки. Волосы были подобраны вверх и заколоты. Она прошла на кухню, вынесла тарелку с горячей ароматной лапшой и поставила ее перед Лешкой. Поправляя что-то на столе, села напротив. Опять она была другой. Это была не та Вера, которую он встретил у реки, и не та, в темном платочке с застывшим взглядом. Эта Вера была строгой и заботливой, неприступной и манила к себе. У Лешки мелькнула мысль, что это она для него нарядилась, накрыла стол и таким образом дает понять, что к нему равнодушна. Утвердившись в своих догадках, он самоуверенно взял рюмку с вином. Вера тоже подняла рюмку, улыбнулась:

– За что пить будем? – с бравадой в голосе спросил Лешка.

– За мой день рождения, – снова улыбнувшись, ответила Вера.

Вся спесь с него моментально слетела, и сидел он перед ней как распоследний дурак.

«Это же царь-девка», – вспомнил он слова деда Максима. Хорошо, что она не смотрела на него. И тут он вспомнил, что у него есть подарок для нее. Все шофера покупали своим женам, детям подарки, а он купил для Веры и забыл о нем.

– Подожди, – поставив рюмку, он вышел в коридор, нашел свой рюкзак, пошарив в нем, вытащил сверток. Отбросив газету, он взял в руки что-то мягкое, пушистое и вернулся в комнату. Проходя мимо Веры, он положил ей на плечо пуховый платок со словами:

– Это тебе подарок. Поздравляю с днем рождения.

Вера осторожно взяла в руки белоснежный платок-паутинку, развернула, увидела красивый узор. На щеках выступил румянец.

– Ой, Леша, спасибо большое. Я так давно мечтала о таком платке. Ты прочитал мои мысли.

У Лешки отлегло от сердца. Выпив вино, он стал есть, думая о том, что многое бы он отдал за то, чтобы прочесть ее мысли. И как же так случилось, что он стал стесняться ее. Нет, не похожа она была на деревенскую девчонку.

Вера пригубила вино и отставила в сторону. Ела медленно, из-под ресниц разглядывала Лешку. Похудел, загорел сильно, волос стал светлее. Складочка появилась между бровей. А ест быстро, как в детстве ел, отметила про себя Вера и грустно улыбнулась, вспомнив, как они жили втроем и как им было хорошо с бабушкой.

– Жарко, – снимая спортивную куртку, проговорил Лешка. – Вер, за костюм спасибо.

– Пожалуйста.

– Картошку сама копала?

– Толик помогал и тетя Нюся.

– А Лизка с Сашкой поженились?

– Нет, перенесли на Рождество. Сашины родители просили перенести. У них там что-то случилось.

Лешка снова налил себе рюмку.

– А сейчас за что будем пить?

– За твой приезд, за то, что хорошо доехали.

– Доехали, – усмехнулся Лешка. – Скажи, долетели!

– Ну, долетели, – пригубив вино, снова отставила рюмку, продолжала разглядывать его Вера. Белоснежная майка на его загорелых плечах казалась кипельно-белой. Мускулистые руки, крутые плечи. Она отвела взгляд в сторону.

– Вер, это ты все сама? – он обвел руками вокруг.

– Сама.

– Ну, ты и царевна-лягушка.

– Спасибо за лягушку, – засмеялась она.

Лешка опять наполнил рюмку.

– А сейчас за что пьем? – с усмешкой спросила Вера.

Он понял, то третья рюмка, вроде как бы лишняя, да и не пьянел он вовсе.

– Пьем за понимание.

– Нет, не за это будем пить, а за нашу Ласточку.

– Да что за нее пить. Корова она и есть корова.

– Беременная она у нас.

Лешка хохотал, как в детстве, громко, заразительно. Вера с удивлением смотрела на него.

– Беременная! Не беременная, а стельная.

– Ну, стельная.

– Ладно, давай за беременную Ласточку! – смеялись они уже вдвоем.

Убирая со стола посуду, Вера как бы между прочим сказала:

– Тоня Деева приезжала из города к родителям, о тебе спрашивала. Интересовалась, как ты тут живешь, с кем встречаешься.

– Что, уже нажилась замужем?

– Да вроде все у нее хорошо, сына вот Лешей назвала.

– Я-то причем, да и когда это было? Подумаешь, немного по-встречались, и уже конец света.

– А она, наверное, помнит.

– Не знаю, что она там может помнить.

Вера продолжала уносить посуду в пригородку, а Лешка прилег на диван. Он смотрел на Веру, и этот бордовый цвет платья, похожий на вино, не давал ему покоя.

– Вер, тебе помочь?

– Нет, не надо, отдыхай, я сама.

Он пытался отвести взгляд, но ничего не получалось. В голове мелькали мысли. Почему между ними постоянно возникают преграды? Ну, ни на шаг к ней не продвинуться. Сам дурак, тюха какой-то. Чего жду? Когда же она такой красивой, самостоятельной стала, а неприступная, аж жуть. Как же я с ней рядом буду жить? Нет, надо что-то решать и прямо сейчас. А что если подойти и поцеловать в эти нецелованные губы? А может, целованные? Интересно, а кто их целовал? Может, Андрюха-студент? Все-таки надо ему по морде надавать. А вдруг она обидится, тогда ведь не подойти будет к ней. Ну и хорошо, тогда буду точно все знать. Интересно, а какие губы у царь-девок бывают? Да мужик я или не мужик?

Он резко поднялся с дивана и решительным шагом пошел на кухню. Вера гремела посудой и не услышала, как он подошел. Лешка взял ее за плечи, резко развернул и впился своими губами в ее губы. Он успел почувствовать вкус ее губ, но не до конца. Что-то тяжелое опустилось ему на голову, и он потерял сознание.

Очнулся он на диване, голова гудела. Рядом сидела Вера и проводила ватку с нашатырем у него под носом. А другой рукой придерживала что-то холодное у него на голове.

– Господи, за что? – простонал Лешка. – Хотел приятное сделать. Поблагодарить за все. Чем это ты меня сподобила, а, Вер?

– Не скажу, – засмеялась девушка.

– А как дотацила до дивана?

– Я же фельдшер.

– А если бы убила меня, тебя бы ведь посадили. Ты об этом подумала? Передачу кто бы тебе носил? – продолжал кочевряжиться Лешка.

– Но ведь не убила.

– Береги себя, Леша, говорила. Я и берег себя, знаешь как сильно? Для чего берег-то? Для того, чтобы ты меня дома прибила, да? Это твое платье виновато, похожее на вино.

– Нет, Леша, не платье, а третья рюмка вина виновата.

– Я не пьяный.

Лешка сложил руки у себя на груди и закрыл глаза. Вера снова потянулась к его голове с полотенцем, в котором был завернут кусок льда. Он открыл глаза. Бровь чуть дрогнула, и губы поползли в сторону. Доли секунды смотрели они глаза в глаза. Пропадали, тонули, но глаз не отводили. Как будто боялись что-то спугнуть. Лешке хотелось обнять ее, прижать к себе и целовать эти полноватые губы, но он сдержался. Уронив руку с дивана, закрыв глаза, он хриплым голосом проговорил.

– Вер, отойди, или я сейчас снова сознание потеряю, или умру навсегда. Не ручаюсь я за себя, и виновата будешь ты.

Вера встала, освободила от полотенца лед и, положив ему на грудь со словами:

– Охладишься немного, Леша, – пошла на кухню.

От неожиданности Лешка заорал дурным голосом. Сбросив лед на пол, он вскочил с дивана.

– За что я терплю такие муки, а? Ты мне можешь объяснить?

– Могу, – донеслось из кухни.

Лешка встал в дверях. Вера продолжала мыть посуду и к нему не повернулась.

– Ну и за что же?

– За все. За Тоню, за то, за что и я терплю.

Лешка, переварив в себе услышанное, тихо спросил, с радостью в голосе:

– Это правда, Вера?

– Что правда, про Тоню, что ли?

– Вер, при чем здесь Тонька, я о другом.

– Правда, Леша.

– И давно?

Вера наклонила голову и не ответила.

– Почему же ты молчала?

– Тебе это было не надо.

– А теперь мне надо?

– Не знаю я ничего, Леша.

– А я знаю. Мне это так надо, что дышать нечем. Я уже жить не могу. Не знал, как к тебе подойти, боялся обидеть. Я ведь как увидел тебя там, у реки, обалдел. Помнишь?

– Помню, – тихо ответила Вера

– Перед глазами до сих пор стоишь. Я ведь тебя ведьмой назвал. Вера засмеялась.

– Я еще не ведьма, а веста.

– Это кто ж такая?

– В какой-то книге прочитала, когда у деда была в гостях. Наши пра-пра-пра-пращурцы были ведами, значит, и мы веды. Вот они и называли своих женщин так: невеста – это девочка-подросток, веста – это взрослая девушка, веда – это замужняя женщина или ведающая замужество, а ведьма – это женщина, ведающая материнство, и она считается самой красивой.

– Ну, надо же, веста. А что, красиво звучит.

Они так и стояли на кухне

– Вер, я себе места не находил, когда бабушка про Андрея Панава сказала. Хотел ему морду набить, чтобы не крутился около тебя.

– И как бы ты это объяснил?

– А никак.

Он шагнул через порог. Обеими руками обнял Веру, прижал к себе и уткнулся лицом в ее волосы. От волос шел запах трав и кружил ему голову.

– Вер, ты святая, а я грешник.

– Почему грешник?

– У меня мысли грешные.

– Ты не грешник, Леша, ты мужчина. Так и должно быть.

Лешка отстранился, не размыкая кольцо рук, заглядывая ей в глаза, спросил:

– И как же мы теперь дальше будем? Давай завтра пойдем, распишемся?

– А никак не будем.

Лешка разжал руки и смотрел на Веру во все глаза:

– Как это – никак не будем. Почему?

– Потому.

– Почему потому-то, Вера?

– Пока бабушке не исполнится год, ничего не будет.

– Так это же до лета ждать! Быть с тобой рядом в одном доме. Ты понимаешь, какую пытку мне хочешь устроить? Я же от бессонницы умру. Завтра разнесу этот забор на щепки. Не смогу я так долго, понимаешь, умру.

– От этого не умирают. Хочешь, я тебе травяные настои буду делать. Будешь спокойно спать до утра.

– Не нужны мне твои настойки, – уже сердился Лешка.

Вера дотронулась ладошкой до его щеки.

– Леша, мы собираемся жить вместе долго и счастливо. Полгода – это небольшой срок. Грех до года жениться, примета такая есть. За это время нам надо много сделать. Костюм тебе сшить в городе. Кое-что купить. Дядьям написать, пригласить на свадьбу. У Ласточки роды принять. Дом весной побелить.

Лешка засмеялся.

– Корова и без нас с тобой обойдется, ей гинеколог не нужен. У нее это уже третий теленок будет.

– Вер, – Лешка снова обнял ее, – почему ты мне раньше по башке не дала? Если бы ты знала, как я мучился, а сейчас я такой счастливый, как ангел.

– Почему ангел?

– Не знаю, но ангел.

– Сочинитель ты, а не ангел.

– А ты?

– Я ангел уже давно, – засмеялась Вера.

– Пойдем, – потянул ее за руку Лешка, – на диване посидим.

– Не пойду я с тобой на диван. Ты такой сильный. У тебя затмение начнется, а у меня под рукой ничего не будет.

– А у тебя не начнется?

– Еще полгода не начнется.

– Ну, ты и царь-девка!

Вера удивленно посмотрела на Лешку.

– Откуда ты знаешь про царь-девку?

– Дед Максим о тебе так сказал.

– Леш, это бабушка наша была царь-девкой.

– Расскажи. Пошли на диван. Да не трону я тебя, мне жизнь дороже, и хватит мне уже на сегодня.

Они умостились на диване, и Вера начала рассказывать историю любви. О пляске Сенечки и Арины, о том, чего не знал Лешка о своей бабушке. Когда Вера замолчала, Лешка сказал:

– Ну, надо же, жил среди царь-девок и не знал. А я тогда кто же? Вера счастливо засмеялась.

– Я тебе потом скажу, кто ты. Ой, Леша, я совсем забыла. Я же пирог с черемухой испекла. Пойдем чай пить.

Но Лешка не был бы Лешкой. Прежде, чем сесть за стол, он все-таки узнал вкус Вериных губ. И может быть, еще долго бы узнавал, если бы Вера не вернула его на землю.

– Леша, успокойся, хватит. Пойдем чай пить.

– Ох, чай, чай, чай, ты меня выручай, – усаживаясь за стол, пропел Лешка.

– Леш, голова болит?

– Есть немного, ты же долбанула со всей силы.

– А тебе не надо было меня пугать. Ни с того, ни с сего вдруг подошел и впился в губы.

– Вер, прости меня, я правда не знал, как тебе сказать.

– На всю жизнь теперь запомнишь, как мне в любви признавался. А ну, покажи язык.

Лешка высунул язык.

– Леша, ты такой злой, что даже язык у тебя черный.

– А у самой-то тоже черный.

Сидя за столом, они пили чай с черемуховым пирогом, смеялись. Им было хорошо вдвоем.

В январе отдавали замуж Лизу. За неделю до свадьбы по уходящей традиции в доме невесты делали вечер: проводы невесты. Готовили угощения для молодежи, ставили столы, скамейки. В субботу вечером к дому Лизы потянулась приглашенная молодежь. Из Серебрянки приехал жених с друзьями. Со смехом, шутками входили в дом, здоровались, раздевались. Несколько женщин суегились возле стола. Односельчане пришли просто посмотреть, как веселится молодежь. Не могли пропустить этого зрелища и баба Саня с дедом Мак-

симом. Они тихонечко сидели в уголочке, и посматривали на жениха с невестой. Звучала музыка, но никто не осмеливался выйти первыми танцевать. Наконец вышла одна пара, затем другая, и начались танцы. Потом играли в «Третий лишний», «Ручеек», в «Ремень» и снова танцевали. Вдруг на пороге появился Лешка, ведя за собой Василия Федотовича, известного когда-то на два села гармониста. Усадив его на стул, он подал ему гармошку, потом снял свой пиджак, галстук, провёл пятерней по волосам, отбрасывая их назад, крикнул:

– Давай, Федотыч, «Цыганочку»!

Круг образовался сам собой. Вера вначале не поняла, что задумал Лешка, но когда прозвучали первые аккорды «Цыганочки» и Лешка, хлопнув в ладоши, пробежал ими по груди, ударил по коленям, а затем по каблuku туфлей пошел по кругу, ее бросило в жар. Она никогда не плясала, только в училище, после какого-то концерта, придя домой, учились с Лизой бить «дробушки». Светла им тогда помогала, учила соблюдать ритм. Все в мгновение пронеслось у нее в голове, со страхом смотрела она на Лешку, который все ближе и ближе подходил к ней. Она вспомнила бабушкин рассказ, как когда-то давно они плясали с Сенечкой, и успела только мысленно сказать: «Бабушка, миленькая» – в это время Лешка топнул ногой перед ней и подал руку. Она встретилась с ним взглядом и увидела в его глазах смех. Страх мгновенно улетучился. Вместо него пришел задор, желание доказать, что она не уступит ему в пляске. Распрямив плечики, приподняв голову, она мелким шажками дошла по кругу до бабы Сани, нагнулась и прошептала ей в ухо:

– Баба Саня, дайте на минутку шаль.

Повязав себе на бедра шаль с кистями, она развернулась перед Лешкой, топнула ножкой и пошла на него, рассыпая «дробушки». Бабы от дверей протиснулись ближе. Наталья с Иваном застыли с тарелками в руках. Баба Саня, прикрыв платочком рот, бормотала:

– Мамынька, ты моя. Вон оно что. Ну, Веруха-тихуха.

– Сань, ты чего это?

– Максим, глянь-ка, Арина с Семеном пляшут.

– Ты чего, сдурела, что ли? Это же Лешка с Верой пляшут.

– Дед, вспомни тогда, как плясали Арина с Семеном.

– Якрыть тебя, и правда – Сенька. Как похож-то. Сань, дак это значит, что же?

– Ах он, змей-искуситель, – не слушая деда, продолжала баба Саня, – когда ж это он успел?

А в кругу творилось что-то невообразимое. Лешка колесом ходил вокруг Веры, и только слышен был стук каблучков в такт музыки. Он смотрел ей в глаза, а видел ее всю. Гибкую, стройную фигуру с платком на бедрах, плавное движение рук, и мелькание туфелек, выбивающих «дробушки». В ее пляске виделся шуточный задор, неуступчивость, поддразнивание. Какой-то парень не выдержал, влетел в круг, но его вытащили из круга со словами: «Не мешай». Все смотрели, не отрываясь. Смотрел и Андрей Панов. Эта пляска расставила все по местам, но он все не хотел верить и продолжал смотреть с болью на Веру. Наконец Федотович остановил игру. Вера накинула бабе Сани на плечи шаль, а сама села рядом. Снова заиграла гармошка. Плясали все с частушками, с притоптыванием. Плясали, смеясь, Лиза с Сашкой, глядя друг на друга.

– Веруня, – приступила к допросу баба Саня. – Это чего значит, любовь у вас, что ли?

– Летом годовщину бабушке отведем, сыграем свадьбу.

– Ох, девка, спалит он тебя до лета.

– Не спалит, у меня всегда лед под рукой, – засмеялась Вера.

– Правильно, Веруня, пусть помучается, крепче любить будет, паразит такой. Ведь как подобрался тихо.

Вера смеялась, уткнувшись лицом в плечо бабы Сани. А Лешка стоял уже в костюме, в галстук, смотрел, не отрываясь, на Веру и улыбался, догадываясь, о чем ее спрашивает баба Саня.

– Береги себя, Верунька, – давала совет баба Саня. – Не испорти себе праздника. Чтобы перед людьми не стыдно было, да и фату почетному одела, как мы с Ариной.

– Не переживайте, баба Саня, все будет хорошо.

– Дед, пошли домой, хватит уже сидеть-то, глаза продавать. Нам с тобой спать пора.

У дверей их догнал Лешка.

– Вер, не ходи, я сам провожу. Вон и Федотович собрался, заодно и его доведу.

Спускаясь с крылечка, баба Саня не выдержала.

– Правильно, Алексей, не отдадим ее в чужие люди. Наша она, с нами останется.

– Вы о чем, баба Саня? – вроде как не понял Лешка.

– Молчи уж, не придуривайся. Дедов вон не урони. Мы ведь тоже их любим.

А в доме снова зазвучала пластинка. Андрей пригласил Веру на медленный танец.

– Вера, я хочу тебе сказать...

– Не надо, Андрей, ничего не говори.

– Нет, скажу, чтобы ты знала. Я всегда тебя буду любить, и если когда-нибудь в жизни тебе будет трудно, ты позови меня.

Закончились танцы, всех пригласили за стол.

Дома Вера поинтересовалась:

– Леш, где это ты так плясать научился?

– Это меня Федотыч с бабой Дашей неделю учили. Когда я первый раз начал плясать, Федотыч говорит: «Что ты, как козел, скачешь? В пляску надо душу вкладывать. Если ты для себя плясешь – это одно, если для людей – другое, а если с девкой, то в пляске должен свое отношение к ней показать». Вот с бабой Дашей и плясали. Она вместо тебя была.

– Лешка, ну придумал же, с бабой Дашей плясать.

– Да она просто стояла. Это я вокруг нее круги нарезал. А что, мне понравилось плясать.

– Мне тоже, Леш. Я что хотела тебе сказать. Давай ты в институт будешь поступать.

– Да я все позабыл. Школу-то давно закончил.

– Ну и что, вспомнишь. Что непонятно, у учителей спросим. Вечером что делать-то? Вот и будем учить, и я заодно повторю. Может, тоже пригодится. Вот только в какой институт поступать? Надо подумать.

И начались занятия. Управлялись с хозяйством, ужинали и сидели за книги. За каждодневной суетой прошла зима, а за ней – черемухой отцвела весна. О том, что Вера с Лешкой готовятся к свадьбе, знало все село. По-доброму радовались все за них. Расцвела Вера небывалой красотой. Вместо глаз – звезды. Глядя на Веру, вспыхивали синевой Лешкины глаза. Но гасил он эту синеву ресницами да обливался холодной водой.

Собрались они как-то раз на концерт. Лешка ушел первым, чтобы занять места, а Вера ненадолго задержалась. Концерт еще не начался, и мужчины толпились у входа в клуб, разговаривали, курили. Вдруг все замолчали и повернули головы. Лешка взглянул на тропинку и замер. К клубу подходила Вера. Такой он ее еще не видел. Необыкновенной синевы легкое платье, схваченное пояском на тонкой талии, струилось по

коленям. Туфли-лодочки казались кукольными на ее маленькой ножке. Волосы красиво уложены и заколоты. Лучистые глаза, чуть вздернутый носик и полноватые губы завершали невиданную красоту. Легкой походкой она подошла к ступенькам крыльца, улыбнулась, поздоровалась. Мужчины расступились и кто-то сказал:

– Проходите, Вера Васильевна.

Вера спокойно прошла сквозь строй мужчин и подошла к Лешке.

– Леша, где наши места?

Он как будто очнулся, взял ее за руку и провел в зал. Мужики какое-то время помолчали, потом кто-то произнес:

– Ну, ведь облюбоваться можно до смерти.

Никто не стал уточнять почему.

Лешка с Верой сидели в зале. Были они не похожи на деревенских. Лешка наклонился к Вере и прошептал ей на ухо:

– Ни на минуту нельзя тебя оставить, Вера Васильевна. Нет мне покоя ни днем, ни ночью. Живу, как на вулкане. Скорее бы свадьба, может, тогда будет спокойнее.

– Леш, хватит смешить, концерт начинается.

После концерта, возвращаясь домой, Лешка опять вспомнил, как шла Вера к клубу.

– Вера, ты где такое платье взяла?

– Оно у меня давно было, еще при бабушке.

– Ну, надо же, идет по тропинке такой вот аквамарин с ножками.

– Какой аквамарин?

– Камень такой есть, синего цвета. Мужики все рот разинули.

Ты вот потом не видела, как они на меня смотрели.

– У тебя же костюм новый, вот и смотрели.

– Нет, они с жалостью на меня смотрели. Это ж какую оправу для такой огранки надо?

– Когда ты успел грани-то сделать, Леша?

– Только и делаю, то глазами, то мыслями. Но оправка будет крепкая.

– Из чего?

– Из моих рук, – проговорил Лешка, подхватывая Веру на руки.

– Могу я хоть раз на руках любимую девушку до дома донести?

– Леша, отпусти, люди увидят.

– Да кто нас увидит, ни одного фонаря нет.

– Убьемся ведь, а тебе через два дня на экзамены ехать.

– Не убьемся, я еще в детстве по-пластунски здесь все излазал, каждый бугорок знаю.

У дома он посадил ее на лавочку, сам сел рядом.

– Ты такая тяжелая, еле донес. Хотел бросить – платье жалко, красивое очень.

Вера засмеялась:

– И в кого ты такой сочинитель?

– В деда, наверное, раз на него похож.

– Леш, ты не бойся экзаменов.

– Я и не боюсь.

– Вот и я говорю, не сдашь, свадьбу отложим и еще зиму поучим.

– Веруха, ты чего, серьезно?

И такое возмущение было в его голосе, что Вера не выдержала и засмеялась.

– Ох, додразнишься ты у меня!..

– А как ты меня в детстве дразнил, помнишь?

– Кто ж знал, что так получится.

Поступил Лешка в политехнический институт, на заочное отделение. Вернувшись из города, он не застал Веру дома и отправился к ней на работу. Открыв дверь кабинета, где она сидела и что-то писала, прошел и сел напротив нее со словами:

– Медсестра, помогите, мне плохо.

– Сейчас, молодой человек, потерпите.

Она подошла к шкафчику, достала огромный шприц для промывания ушей, прикрепила иголку и подошла к Лешке. Лешка же, увидев шприц, заорал:

– Вера, ты что, с ума сошла?

– Признавайся, поступил или нет?

– Да поступил, поступил, убери шприц с глаз.

Хохотали они долго. Потом Лешка рассказывал, как проходили экзамены.

Свадьбу играли на Петров день. Во всю длину двора, от одной калитки к другой, стояли накрытые столы. Сверху был натянут тент, украшенный ветками и цветами. Во дворе суетились Нюся, Наталья с Иваном. Сашка все поправлял скамейки, табуретки, накрывая их покрывалами. Ходила уточкой беременная Лиза. Петр Сергеевич тоже

пытался что-то помочь. Пришли соседи, друзья. Пока ждали из сельсовета молодых, баба Саня вела свой очередной рассказ в летней кухне среди женщин, глядя на беременную Лизу:

– Бабы, вы, наверное, помните, жила у нас в деревне Дарья Ласкина с сыном?

– Ну, как же не помним, сын у нее Пашка был, оторви да брось, но пел уж больно хорошо, паразит, – ответила ей какая-то баба.

– Вот я и говорю про них, – продолжала баба Саня. – Женился он, взял за себя девушку хорошую, тихую, спокойную. Дарья в ней души не чаяла, ко двору пришлась девка. Только что ни год, то беременная ходит. Одного родила, второго, третьего, забеременела шестым. Сноха рожает, а бабка Дарья нянчит внучат. Смотрит, опять сноха беременная ходит. Взяла одну палку в руки, вторую дала снохе и пошли в сарай, где Пашка навоз чистил. Зашли в сарай, и давай его лупить да приговаривать: «Перестань детей делать, перестань детей делать». Пашка сначала не понял, а когда до него дошло, стал хохотать.

Бабы хохотали на разные голоса. Лиза схватилась за живот, приговаривала:

– Сейчас рожу, а Вы, баба Саня, будете роды принимать.

– Ну почему не принять, приму, рожай Лизка, только вовремя.

Наконец издалека показались жених с невестой в окружении дружек и сватъев. Все дружно высыпали на улицу. Нюся и Петр Сергеевич встретили молодых хлебом и солью. Провожая молодых в дом, гости по обычаю посыпали молодых хмелем, монетами, конфетами и зерном. В доме благословили молодых на семейную жизнь самые близкие для них люди – мать и дед.

А к вечеру загуляла свадьба. Сыпались пожелания, поздравления, напутствия, советы. За столом стоял шум, смех. От души дарили подарки. Кто-то в подарок завел теленка с колокольчиком на хвосте, подарили двух гусей на племя с красными бантами на шее. Много еще чего дарили необходимого молодым в семейной жизни, а те благодарили за подарки. Предложили молодым выбрать два платочка. Вера выбрала платочек с нарисованной веточкой, Алексею достался платочек в клетку. Им объяснили значение платочков:

На платочке – веточка, первой будет девочка,

А платочек – в клеточку будет и сынок.

Потом были танцы, пляски под гармошку. Устав от плясок, гости снова садились за стол, произносили тосты, пели песни. Время было за полночь, а гости все не расходились. Вера, смущаясь, спросила Лешку:

– Леша, мы с тобой где спать-то будем, ведь полный дом гостей?

– Не переживай, найдем где.

Наконец гости отпустили молодых. Они вошли в дом.

– Снимай платье, одень что-нибудь попроще, – сказал Лешка. – Фату оставь.

Сам он переоделся в спортивный костюм. Затем принес рюкзак, положил в него два тонких одеяла. Сходил на кухню, принес термос с чаем, какую-то еду. Все это затолкал в рюкзак. Окинув взглядом Веру, которая стояла в брюках, кофточке и с фатой на голове, засмеялся и сказал:

– Пойдет.

Во дворе, проходя мимо гостей, они услышали, как кто-то спросил:

– Гранины, вы в поход, что ли, собрались?

– В поход, – смеясь, ответил Лешка и провел Веру к калитке, которая вела к реке. Обняв Веру за плечи, он повел ее по тропинке к перекату.

– Леша, мы куда идем? – робко спросила Вера.

Он не ответил, только чуть прижал ее плечи. Она притихла и ни о чем больше не спрашивала. А вслед им неслась песня.

Я люблю тебя так, что не сможешь никак

Ты меня никогда, никогда разлюбить...

Перейдя через речку, они остановились около черемухи.

Осторожно сняв с головы Веры фату, Лешка собрал ее в ладонь и подкинул над черемухой. Пролетая над ветками, фата раскрылась, опустилась на верхушку и осталась там лежать. Снова приобняв Веру, он повел ее от реки выше. В лицо повеяло степным теплым воздухом. Наконец он остановился, огляделся вокруг и сказал:

– Пришли.

Светила луна, было светло, как днем. Вера узнала это место. Здесь они с бабой Ариной когда-то собирали травы. Лешка вытащил одеяла. Одно расстелил, другое, отложил в сторону.

– Вер, располагайся, я сейчас.

Вернулся он с охалкой черемуховых веток. Разложив ветки вокруг одеяла со словами: «От мошки», он сел с ней рядом. От земли веяло теплом, запахом трав, покоем. Казалось, весь мир принадлежал им: и эта луна, и огромный купол звездного неба. Послышался шепот, но травы не расслышали слов и переспросили друг у друга:

– Что?

– Что?

Потом зашептали, передавая друг другу:

– Любимая, милая, желанная.

И откуда-то со степей, от ковылей снова прилетел вопрос:

– Что?

– Что?

Опять зашептали травы:

– Хороший мой, родной, ласковый мой.

Солнце позолотило верхушку черемухи, на которой лежала фата. Вера спала у Лешки под рукой, и он, как крылом, ее обнимал. Волосы ее рассыпались по его руке, закрывали ей лицо. Осторожно отведя волосы с лица, он прикрыл ей плечо одеялом. В груди поднялась огромная нежность, от которой наворачивались слезы. Рядом с ним была его половинка, которую хотелось защищать и оберегать ото всех невзгод. Он не выдержал, стал шепотом в ухо о чем-то ее спрашивать. Травы молчали. Они устали шептаться всю ночь. Не открывая глаз, Вера легла ему на руку, обняла и ответила:

– Веда я....

– И еще жена ты моя, – добавил Лешка.

И в это время раздался совсем рядом пронзительный свист. От неожиданности Вера подпрыгнула и села оглядываясь.

– Лешка, кто это?

Лешка прищурил один глаз, сказал, как ни в чем ни бывало:

– Змея проползла мимо, вот и свистнула нам, чтобы вставали.

– Не обманывай, змеи не свистят.

– Иди сюда, ложись на руку и замри. Смотри вон на тот пригорок, – показал он рукой. Вера легла, не отрывая глаз от пригорка. Наконец она увидела зверька, стоящего на задних лапках. Лешка поднял руку, и они снова услышали свист. Зверек исчез.

– Леш, это же суслик, – засмеялась Вера.

– Так я тебе о нем и говорил.

– Вот обманщик, – толкнула она его слегка в бок.

– Ну, вот и первая семейная драка, – смеялся Лешка.

– Чаю хочешь?

– Конечно, хочу.

Они сидели на одеяле, пили чай, заедая плюшками. Вера поднялась и пошла к пригорку с плюшкой в руках. Отламывая кусочки, она клала их у каждой норки. Лешка встретил ее смехом.

– Ну что, накормила? Надо было вина прихватить, им налить, чтобы они нашу свадьбу отметили. Тогда бы они хором свистели, а потом еще с похмелья вон ту гору перекопали. Посмеяться вдоволь им не дали.

– Вера, Леша!.. – кричали гости, увидев фату на черемухе.

– Леша, надо идти, гости ждут.

– Подождут, им делать нечего, вот и орут с утра пораньше.

Еще немного посидев, они стали собирать рюкзак. Около черемухи Лешка остановился, поставил рюкзак, обнимая и целуя Веру, говорил ей на ухо:

– Девочка моя, умница, спасибо тебе за эту ночь, за то, что ты есть на свете. Я очень сильно тебя люблю, моя хорошая.

Кто научил этого деревенского парня такой нежности, таким словам, которых ждет каждая девушка и о которых забыли, или не хотят помнить, или стесняются говорить? Кто помог понять и оценить эту необыкновенную ночь, которая бывает раз в жизни и о которой они будут всегда помнить.

Дрогнула черемуха от таких слов, зашелестела листва, и полетела фата вниз, прямо в родниковую речку, а может, это ветер был? Кто разберет?

Пока Лешка доставал из речки фату, Вера рассматривала черемуху.

– Леша, а у черемухи ягоды уже есть, – крикнула она.

Подойдя к ней, он засмеялся:

– У нас с тобой после этой ночи тоже какая-нибудь ягодка появится.

– Леш, нам надо свою черемуху посадить, вон там, около бабушкиной, рядом.

– Осенью посадим, – и, подхватив Веру на руки, стал переходить речку, на ходу целуя ее.

Внезапно он остановился:

– Вер, давай вернемся назад.

– Леша, – завозмущалась она, – люди ждут нас.

Со смехом они перешли речку и снова услышали:

– Вера-а, Леша-а-а!..

Выйдя на тропинку, которая вела к дому, они увидели, как дед Максим с бутылкой и рюмкой в руках не пускает гостей к речке, наливает им и провожает обратно к столу. Подойдя ближе, они услышали крики:

– Ура! Гранины пришли из похода.

Вера прошла в дом, а Лешка задержался с дедом Максимом.

– Спасибо, дед, за все, особенно за охрану границы.

– Да, якрыть тебя, сам такой же когда-то был, и меня учили, – проговорил дед, пытаясь налить себе рюмку, но не успел. Подошла баба Саня и забрала у него бутылку.

– Хватит тебе уже дед, хворать ведь будешь.

– Эх, Сашенька, все-то ты забыла, как у нас с тобой было.

– Чего вспомнил-то, старый. Ничего я не забыла. Черемуха вон какая выросла. Мы ее с тобой всю ночь сажали, – засмеялась баба Саня, но выпить деду больше не дала.

Свадьба продолжалась еще два дня. Приходили «ряженые», пекли на костре блины, молотили овес, плясали, пели частушки. Лешка с Верой уже сами бегали, угощали гостей. Вдруг они услышали:

Мой миленок – через поле,

У подруги – через пять.

Через поле да не ходит,

Через пять идет опять.

Вера замерла.

– Леша, ты помнишь, дразнил меня, – и заплакала.

– Когда это было, сто лет назад.

Он подошел к ней, обнял, вытирая ей слезы, проговорил:

– Если бы бабушка знала, она бы порадовалась за нас.

– Она знала, – тихо ответила Вера.

– Ну вы даете, знали они. Один я ничего не знал, – он притянул к себе Веру и поцеловал. Вера засмеялась счастливым смехом.

Еще неделю приходили соседи на чай. Сидели, вспоминали свадьбу, доедали пироги. А перед отъездом Петра Сергеевича в Ленинград на семейном совете Алексей и Вера Гранины решили пересечь в город.

Литературно-художественное издание

Любовь Николаевна Щедова

ЧЕРЕМУХОВАЯ РЕКА

Повесть

Ведущий редактор
Е. В. Кондаева

Старший корректор
Е. А. Феонова

Ведущий инженер
Г. А. Чумак

Подписано в печать 23.04.2013 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 5,3.
Тираж 50 экз. Заказ 48/1108.

Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Оренбургский государственный университет»

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15 А